

Волчий Отряд

Автор:

Дмитрий Даль

Волчий Отряд

Дмитрий Даль

Волчий Мир #1

Много раз Сергей Одинцов читал в книгах про попаданцев в иные миры. И никогда не думал, что может оказаться на их месте. Но так случилось, что простая поездка за грибами привела его в мир лоскутных государств. Средневековье встретилось с новыми технологиями. Здесь звенят мечи и звучат выстрелы. По дорогам в поисках новых адептов ходят маги-техники. Но все это Сергею Одинцову предстоит узнать, а пока он пешка в чужой игре. Он пройдет путь от раба-гладиатора до военачальника, за которым готовы идти в бой не только Волчий Отряд, но и целая армия.

Дмитрий Даль

Волчий Отряд

Когда клубится страх кромешный
и тьму пронзает лай погонь,
благословен любой, посмевающий
не задувать в себе огонь.

Игорь Губерман

Глава 1

Западня

Пахло жутко. Чем-то гнилым, отсыревшим и плесневелым.

Сергей Одинцов с трудом разлепил глаза и ничего не увидел. Но вскоре глаза привыкли к сумраку, и он обнаружил, что находится в каком-то темном тесном помещении шагов десять в длину и столько же в ширину. Нависающий над головой потолок, с которого равномерно капала холодная ржавая вода. Кирпичная кладка стены, узкое окно, забранное решеткой. За ним темнота. И деревянные нары, покрытые какой-то дерюгой, а на этих нарах он сам и лежит. Вот так ход конем. К этому он явно не был готов.

И как он здесь оказался?

Сергея приподнялся на локтях и сел на нарах. Беглый осмотр ничего не дал. Сам вроде цел. Хотя все тело болит, словно предыдущие несколько дней он провел на каменоломне. Рубашка в дырах, штаны грязные. Да, ничего не скажешь Положеньице. И где он так успел наприключаться. Попытка вспомнить, ни к чему не привела. Кажется, память отшибло начисто, видно одним из тех крепких ударов, чей след остался на рубахе. И впрямь ему удалось разглядеть на плотной ткани рифленый оттиск чьей-то подошвы.

Ничего память вернется. В свое время. Сейчас надо решить, как отсюда выбраться. Явно, каникулы в каземате ничего хорошего не предвещали.

Сергей поднялся, добрал до дверной решетки, вцепился в нее как утопающий и попробовал выглянуть наружу. Даже голову попытался протиснуть сквозь прутья. Впрочем, безуспешно.

Все что ему удалось разглядеть это темные камеры напротив и слабо шевелящиеся тени внутри них. Теперь стало ясно, что камеры обитаемы. Вдали справа виднелся коридор, единственное освещенное место. Но до него далеко, и людей не видно. Да, негусто. Можно было крикнуть, позвать кого-нибудь из живых, но отчего-то Сергею не хотелось это делать. Ему очень не нравились эти

тени в камерах напротив. Мало ли кто там прячется. Может, какие бандюки, а может и монстры, пожирающие людей заживо, как в голливудских блокбастерах. В свое время он пересмотрел их в большом количестве.

Одинцов вернулся на нары, забрался с ногами, обхватил руками коленки, скрючился и задумался. В этой позе ему всегда мыслилось лучше всего. Правда, заниматься мыслительным процессом на больную голову, очень сомнительное удовольствие. Но другого выхода не было. Чтобы понять, как выбраться из этой западни, надо сначала разобраться, как он сюда угодил.

Посидеть, подумать ему толком не дали. За дверной решеткой слышались тихие шаги, скорее и не шаги вовсе, а старческое шарканье. В первую секунду Серега подумал, что это тени из соседних камер выбрались на свободу и теперь ищут, чем бы можно было поживиться. Каким-нибудь сладким мясом. Чего только в голову не придет!

В коридоре между камерами показалась невысокая сгорбленная фигура. Она застыла напротив его номера. Серега тут же почувствовал чужой изучающий взгляд. И вскоре раздался противный скрипучий голос:

– О! Очнулся болезный. Сейчас пошамкать принесу.

Фигура еще постояла с минуту, словно ожидала ответа, а затем исчезла из поля зрения.

Одинцов не успел досчитать до двадцати, как его тюремщик вернулся. Сперва появился всполох света, пляшущий по стенам и решеткам камер, а затем появился хромоногий человек в кожаной грязной куртке на развязанных шнурках, кожаных замызганных штанах и сапогах со стоптанными каблуками. Ничего себе рокер на пенсии. Только металлических заклепок на куртке и штанах не хватало, да какой-нибудь фирменной футболки и банданы с логотипом известной команды, типа «Ария» или «Iron Maiden». Ничего этого и в помине не было, зато на поясе старичка хиппаря висел самый настоящий меч в потертых ножнах. Похоже, его давно не извлекали из ножен. В одной руке старичок сжимал факел, которым и освещал себе дорогу, а в другой металлическую миску с обещанным ужином.

Остановившись напротив Сереги, хиппи поставил миску на пол и толкнул ее сапогом в камеру. Половина содержимого выплеснулась, а то что осталось аппетита не вызывало. В неверном свете факела Сергею удалось разглядеть мутную густую жидкость, в которой плавали какие-то овощи и длинные кожаные веревочки. Далеко не сразу Сергей понял, что эти веревочки являются ничем иным, как крысиными хвостами.

Накатила тошнота. Основательно так накатила. Тут еще и запах сыграл свою злую роль. От миски воняло так тошнотворно, что аж глаза слезились. Серега еле успел допрыгнуть до отхожего места, вонючей дырки в полу с грязными следами вокруг. Явно предыдущие обитатели этой камеры не славились снайперской меткостью. Склонившись над дырой, Серега изрядно облегчил желудок. По крайней мере, теперь окружающая вонь уже не так сильно угнетала его нервную систему и чувствительное обоняние.

– Эк тебя, болезный проняло. А вот зря ты так. Мамка Фёкла, вкусно готовит. Конечно, не как в «Лесном трактире», но тоже вполне себе так аппетитно, – проскрипел тюремщик.

Серега резко распрямился и бросил на него пристальный злой взгляд. Тюремщик отпрянул в сторону. Факел дернулся, осветил его лицо. И не такой уж он старый. А вернее сказать, совсем молодой. Лет двадцать-двадцать пять. Ровесник, стало быть. Только его сильно жизнь покалечила. Впалые глаза, бледный лоб, перекошенное на сторону туловище, шрам через все лицо и почти лысая голова. Если конечно не считать с десятков волосинок, размазанных по блестящему черепу.

Но не это удивило и насторожило Одинцова. А слова тюремщика. Вернее одно название, которое больно ударило по нервам. «Лесной трактир». Отчего-то это словосочетание было ему знакомо. И не просто знакомо. С этими словами были связаны какие-то воспоминания.

– Ты это, дергунчик, пошамкаешь, а миску потом в коридор толкни. И смотри мне, веди себя мирно. А то я вернусь, да не один. Чесун тебя быстро научит быть паинькой.

Тюремщик для убедительности погрозил кулаком. Развернулся и побрел обратно. Вскоре камера утонула в темноте.

Сергея вернулся на нары. Принял размышлительную позу и крепко так задумался. Теперь у него появилась зацепка. Еще бы понять, что с ней делать.

– Слышь, мужик, тать ты или лиходея мне сие неведомо, да и по барабану. Но если ты жрать не будешь, может угостишь горемыку, – раздался тихий просительный голос.

Похоже, сегодня все сговорились: отвлечь Сергея и не дать ему ничего толкового вспомнить.

Сергей вновь поднялся с нар и выглянул в коридор. Голос доносился из камеры напротив. Только вот ничего увидеть не получалось. Слишком темно.

– Ты кто? – спросил он.

И ему ответили.

– Это тебя надо спросить. Я то тут давно сижу, а вот ты новичок. Стало быть, тебе первым представляться нужно.

– Сергеем меня зовут. Сергей Одинцов.

– А меня Лехом Шустрым. Или по-простому Шустриком. Так ты пожрать дашь, или все-таки сам думаешь шамку уговорить?

В соседней камере тени пришли в движение и к решетке прильнуло худое, если не сказать истощенное тело, паренька в драных обносках. При одном взгляде на него впечатлительные мамы бы прослезились. На второй взгляд времени не осталось бы. Начали бы откармливать.

– Да. Сейчас. Попробую.

Сергея склонился над миской, взял ее в руки и попробовал просунуть сквозь прутья решетки, чем вызвал приступ глухого сдерживаемого смеха у нового знакомого.

– Это кто же так... Ты чего... По полу толкай... По другому не пойдет, умник...

Одинцов поставил миску на пол и толкнул в сторону камеры напротив. Несильно так толкнул. Боялся расплескать оставшееся. В результате миска встала в коридоре аккуратно между камерами. Эта неудача вызвала у Шустрика приступ грязных ругательств, среди которых самое безобидное было относительно умственных способностей соседа.

– Эй, вы там, шумельцы, уймите звук, – слышался издали скрипучий голос тюремщика. – А то я Чесуна выпущу.

Лех Шустрик ругаться тут же перестал, а через минуту вновь раздался его голос. На этот раз он говорил еще тише.

– Что же ты такой косорукий?!

– Ну, извини, – почему-то Сереге стало очень стыдно, что у него не получилось угостить своей баландой соседа.

– Ладно. Не беда. Сейчас чего-нибудь скумекаю, – пообещал Лех и растворился в темноте камеры.

Несколько минут ничего не происходило. Слышалась только какая-то возня. И вскоре возле решетки материализовался Лех. Он разлегся на полу, высунул руку в проход и попытался зацепить миску. В руке он держал какой-то крюк, значительно ее удлинивший. И ведь получилось. Миска заскользила по полу, расплескивая жидкость и исчезла в камере. Вскоре оттуда донеслось довольное чавканье.

Серега представил себе, как он ест содержимое миски, и его чуть второй раз не стошнило. Удалось взять себя в руки. Подумал о хорошем. Вскоре пустая миска вылетела обратно в коридор, а возле решетки появился сытый и довольный Лех.

– Вот это уже другое дело. Спасибо тебе, дружище, за угощение. Только вот если ты будешь от еды нос воротить, то не ровен час копыта откинешь. Шамка, конечно, отвратительная, но с голодухи и не такое есть доводилось. Вот мне однажды на погосте ночевать пришлось... Хотя постой, вру. Я там почитай семь дней коротал. Это было после того как меня в одном селе собаками потравили.

Вот что за люди. Подумаешь, увел пару гусей со двора. Но собаками то за что. Так вот, на погосте мне довелось свонравца отведать. Гниль-зверька. Вот это я тебе скажу жуть ужасная. Но делать, как говорится нечего, жрать захочешь, и свонравец покажется райским кушаньем.

– А что это за свонравец такой? – спросил зачем-то Сергей. И сразу же сам пожалел об этом.

– Чудак-человек, в первый раз вижу, чтобы кто-то не знал, кто такой свонравец. Погодь, сейчас расскажу. Свонравец то. Это гниль-зверек. Маленький такой, длинный, весь в меху. Точно змея на лапках. Живет под землей. Редко на поверхность выбирается. Питается в основном покойниками. Любит тех, которые уже с душком. Тварь ужасная. Селяне с ними борются. Пытаются вытравить, но если уж такой на погосте завелся, то хана погосту. Расплодятся и всех упокойничков обожрут. А им мертвякам то обидно станет, что с ними так обошлись. Вернутся мороками, да начнут деревню страшить. Пока всех не застрашают насмерть, не успокоятся. А во всем этом виноват маленький такой гниль-зверек, тварюшка вонючая.

Одинцов как только представил себе зверюшку, поедающую трупы, да как Лех ей питался, поплохело моментально. Опять выворачивать стало. С трудом с собой справился. И что это с ним творится. Никогда особой чувствительностью не отличался. Ужастики очень любил. Правда, смотрел их большей частью, как комедии. А уж «Живую мертвечину» еще на видеокассете в свое время до дыр в пленке засмотрел. Но ведь одно дело кино, а другое жизнь. И жизнь, по всей видимости, очень и очень нехорошая.

– Ты чего так распереживался. Не бери в голову, давно это было. А от желудочного клеща я почти сразу и излечился, – попытался приободрить его Лех.

Серега решил, что пора разговор в другое русло переводить. А то от местных гастрономических изысков его уже порядком воротило.

– А ты уже тут давно сидишь? – спросил он.

– Да уж с неделю почитай. На прошлый Бабий день меня и повязали. И ведь пустяк, безделица. Ничего серьезного то не сотворил, а неделю тут кукую.

– За что тебя?

Лях заунывно так просвистел, прежде чем ответить:

– Бабенку одну в уголке притиснул. Она то в принципе и сама была не против. Пару дней до этого все глазами в меня стреляла, как на базаре встретимся. А тут я, голова дырявая, совсем об этом проклятущем Бабьем дне то и забыл. В общем, выбрал не то время, чтобы с милашкой обниматься. Оно то и ничего может было бы, если бы нас ее матушка не застукала. Вот тут крику на весь двор было. А после этого за стражниками послали, да меня под белы ручки в этот подвал и отволокли.

Лех горестно шмыгнул носом. Того и гляди расплатится. Но Серега не знал еще всех актерских талантов Леха. И тут же слышалось довольное хихиканье.

– Но мне не так обидно. Дело свое я сделать успел. И девчонку уважил, да и чресла свои побаловал. А ведь что самое интересное. Собирался я из города линять. Примелькался тут, да и местная ночная братия начала уже косо на меня смотреть. Да только вот из-за милашки и остался. А оно вон как приключилось. Но где наша не пропадала. Думаю и из этой передряги выкручусь.

– Занятная история, – оценил Серега. – Лех, а ты не знаешь, когда меня привели? И за что?

Слова давались с трудом. Признаваться в провалах в собственной памяти очень не хотелось.

– А ты что ни черта не помнишь?

– Нет.

– Ну, даешь! Но оно то и понятно. Тебя не привели, а притащили. Сам то ты в полной бессознанке был. Видать сильно по черепушки одарили. Тутешние стражники такие, дело свое хорошо знают. Правда, слышал я, как они с тюремщиком переговаривались, когда тебя на нары определяли. Мол, хорошо ты накануне в «Лесном трактире» погулял. Они целым десятком еле-еле тебя успокоили.

Одинцов почувствовал, что вроде бы в голове что-то начало проясняться. Правда, ощущение тут же пропало. Как было туманно, так и осталось «ни зги не видать».

– А они больше ничего не говорили?

– О тебе, кажись, нет. Хотя постой. Было. Понравился ты им больно. Говорили, хороший ты боец. Руками и ногами машешь, как заправская плясунья, только после этого полно народу на полу остается. Кто с переломами, кто с тяжелыми травмами всякими. Я так понял, ты в этом трактире с кем-то очень серьезным что-то не поделил. А потом пошло, поехало. Пришлось вон хозяину стражу вызывать. Они то тебя и усмирили. А поскольку ты единственный из задержанных заступников не имеешь, то тебя одного во всех бедах и обвинят. Дураком полным выставят, да еще и штраф порядочный наложат. Не без этого. Так что готовь кошелек.

Сергея вернулся на нары, откинулся спиной на холодную стенку и зажал голову руками.

Вот вляпался, так вляпался.

– Ей, ты, куда там запропастился? – забеспокоился Лех.

– Тут я, – глухо ответил Сергей.

– Ты вообще сам-то местный? Где живешь? Есть кому за тебя штраф внести?

– Не знаю я. Ничего не знаю. И денег у меня нет, и штраф за меня никто вносить не будет.

– Стало быть, плохи твои дела. Очень плохи. Тогда тебе прямая дорога либо в штрафные ямы, либо на Ристалище. Но это только если тобой кто-нибудь заинтересуется, да штраф твой погасит и тебя из темницы выкупит. Правда, и там и там долго не протянуть. В штрафных ямах на работах быстро надорвешь здоровье, да и скорее всего сгниешь там же. А вот на Ристалище тоже быстро умирают, но все же жизнь веселее. Мне вот почему-то кажется, что тобой обязательно заинтересуются. Если уже глаз не положили. В городе полно

лаварей. Они часто в тюремные подвалы заглядывают. Думаю, что за тобой скоро придут.

Слова Леха не очень-то внушали оптимизм, но Серега не унывал. Как говорится, где наша не пропадала. Почему-то он был уверен, что из этой передряги ему удастся выкрутиться. Как всегда получалось до этого.

– А за тебя есть, кому штраф заплатить? Или что там полагается за невзаимную любовь? – спросил он.

Лех засмеялся.

– Чудак человек. Откуда? Я же тебе сказал, что в город погостить зашел. Да к тому же штраф, небось, такой заломили, что не влупи собаке гусь.

– Значит, у тебя тоже впереди два пути маячит. Либо в яму, либо на Ристалище? – спросил Серега.

– Э! Ты меня с собой не сравнивай. Не было еще такого, чтобы Шустрик из западни не выбрался. Так что не надо тут мне настроение портить. И вообще заболтался я тут с тобой, мне спать пора.

Лех демонстративно и очень заразительно зевнул. Сергей тут же почувствовал, что тоже спать хочет. Сосед по несчастью ушел вглубь камеры и нарочито шумно завозился на нарах. Серега тоже забрался на койку, разлегся, положил руки под голову, глаза закрыл. Да пролежал так с полчаса, но как ни странно сон не шел. Только мысли разные в голову лезли.

Одинцов обдумывал рассказ Леха, пытался вспомнить, что с ним произошло накануне. Так и этак крутил элементы головоломки, пока не подобрал нужную комбинацию, и картинка не сложилась в единое целое. Он вспомнил. Сразу и все.

Сергея появился в городе ближе к вечеру. За елками солнце принимало уже огненные ванны, по улицам бродил одинокий фонарщик в черном камзоле с длинной лестницей и зажигал фонари, а где-то неподалеку отчаянно брехала собачья стая, да громко ругались женщины, призывая своих мужей утихомирить бесовских тварей.

Он вышел из леса и беспрепятственно прошел сквозь городские ворота. Молодой стражник с только что наметившимся пушком под носом бегло осмотрел путника, отметил про себя, что поживиться нечем, задал пару никчемных вопросов, ответы на которые он так и не получил, и все же пропустил за стену. Тут сыграл роль случай. Сергей никогда бы не попал в город, если бы не два «но». Стражник досиживал свою смену, и ему было уже все равно, кто тащит свой сухой зад в их сытый город. Впереди маячила веселая попойка с друзьями. Осталось только с поста смениться. И в тот момент, когда стражник собирался закрыть перед лицом Сергея городские ворота, его зычно окликнул начальник караула. Что уж там хотел от молодого паренька старший, Сергей так и не узнал. Он прошмыгнул под носом у стражника и бросился что есть сил по одной из кривых, не внушающих особого доверия улочек. Стражник хотел было поднять тревогу, но посмотрел, что его напарник уже спит в будке, да решил, что с одного бродяги в городе не убудет. К тому же задержишь нехорошего человека, а потом еще рапорты, да объяснительные пиши. Этак весь вечер можно на службе проторчать. И накроется медным тазом тогда попойка, друзья, да вкусное пиво. Стражник отвернулся и притворился, что никого не видел.

Одинцов же, отбежав на безопасное расстояние, и убедившись, что его никто не преследует, перешел на шаг, вертя головой по сторонам. И ведь было на что посмотреть. Он оказался на узкой извилистой улочке, вымощенной черным булыжником. С двух сторон улочку плотно сжимали каменные дома в два-три этажа. Изредка попадались четырехэтажные великаны. При этом дома кверху разрастались вширь, так что с балкона третьего этажа можно было смело перешагнуть на балкон дома напротив. Сходить, так сказать, в гости по-соседски. Между домами поверху были натянуты веревки, и на них сушилось белье. Пару раз Сергей прошел под только что вывешенной партией. Вода с нее не просто капала, а лилась ручьями. Душ было не избежать. Или возвращаться назад в руки стражника с повинной. Сергей решил пережить дождик.

Вскоре улочка закончилась, и он вышел на небольшую площадь, все пространство которой занимали лотки. С них торговали разными вкусами от свежей зелени до пирожков с пылу с жару. Чуть поодаль Сергей приметил деревянную вывеску, на которой зеленой краской было написано «Лесной трактир», а чуть ниже под названием было нарисовано какое-то чудовище, лишь отдаленно напоминающее дикого кабана, с пивной кружкой в руках. Выглядело, завлекательно. Серега почувствовал, как в животе у него призывно заурчало.

Осторожно, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, Одинцов направился через площадь к трактиру. Деньги у него были. Как раз пару дней назад получил выплату по удачной сделке, так что можно и гульнуть без особого ущерба для кошелька. Только вот бумажными деньгами из прежней жизни здесь можно разве что печки топить, правда от них и тепла то никакого не будет. Единственная надежда на пару горстей железных монет, которые отягощали карманы. Его всегда злила мелочь, которая каким-то волшебным образом скапливалась у него в карманах, словно он целыми днями на паперти стоял. Медяшки всегда и во всех мирах были в ходу, а то что на монетах чужая символика отпечатана, так это и к лучшему. Путешественник он. Издалека пришел, не успел в меняльную лавку заглянуть. Легенда вроде убедительная, да и есть очень хочется. Детали придется сочинять на ходу.

Серега толкнул, оказавшуюся на редкость тугой дверь, и переступил порог трактира. Он тут же почувствовал на себе множество оценивающих взглядов. Все посетители поворотились к вошедшему, но тут же потеряли к нему интерес и уткнулись в свои кружки.

Внутри трактир выглядел очень непрезентабельно. Деревянные столы, поставленные тесно друг к другу. Такое ощущение, что эти столы стоят тут не один десяток лет, и за все это время их не то что не мыли, никто даже не удосужился их протереть тряпкой. Такой же чистоты скамьи, на которых восседали бравые молодцы разной степени осоловелости. Вдалеке от входа барная стойка, вокруг нее шумно веселилась компания из пяти мужчин в широкополых шляпах с перьями, зеленых плащах и явно при оружии. За стойкой крутился маленький человечек, который только и успевал, что разливать хмельное по кружкам. Их тут же уносили две внушительных форм девушки в зеленых платьях с серыми передниками. Когда-то эти передники явно были белыми, но это осталось в далеком прошлом. Не смотря на свои габариты, официантки проворно сновали между столами, обслуживая клиентов и уворачивались от наглых рук, которые так и норовили ухватить, кто за попу, кто

за грудь. Не всегда, впрочем, это удавалось. Но они не обращали внимания на эти фамильярности, подхихикивали и бежали дальше по своим делам.

Одинцов с трудом выбрал себе свободный стол в дальнем углу. Очень удачное место. И его никто особо не видит, и у него все на виду. Подозвал к себе одну из розовощеких пышнотелых официанток, заказал себе жареного мяса с овощами, литровый кувшин пива для начала. Да чтобы не сильно отличаться от остальных посетителей, прихватил девушку за попку. А ничего так... Даже очень понравилось. Девушка довольно зарделась, и, активно качая бедрами, удалилась к барной стойке.

Пока Серега ждал заказ, он попытался разобраться, как очутился в этом городе, а для начала в осеннем лесу.

* * *

Все происходило у него на глазах. Еще позавчера утром они с семьей поехали за грибами. Семью Одинцовых представляли отец, мать, старший брат Михаил, да его жена Ольга. Решили ехать на двух машинах: отцовской «девятке», старое авто для дачного использования, да на служебном «Уазе-патриоте» брата. Серега свой «Мерседес» решил оставить на даче. По таким буеракам и колдобинам он долго не протянет. Дорога неблизкая, но зато грибы гарантированы. Все леса возле дачного поселка давно уже исхожены, изброжены, да вытоптаны. Поэтому поднялись засветло, позавтракали, мама с Ольгой расстарались, да тронулись в путь. На место добрались к десяти утра, да сразу углубились в лес. Разбрелись по сторонам, изредка перекрикивались, чтобы не потеряться.

Не смотря на то, что осень только началась, и время самое что ни на есть грибное, с этим делом Сергею не везло. Пара белых, да и то давно заселенных червями – вот и вся добыча. Поэтому вскоре он потерял всякий интерес к собирательству, и стал больше глазеть по сторонам. Может поэтому и наткнулся на дыру в земле. Вроде бы ничего примечательного. Мало ли заросших временем и травой дзотов и окопов по лесам раскидано. Во время Второй Мировой тут бои на каждом шагу шли, так что под землей укреплений, да заброшенных фортификаций полным полно.

На дне ямы клубился какой-то дым, похожий на утренний туман. И черт Сергея дернул, прыгнуть на дно ямы. Захотелось представить себя на месте бойца красной армии, для большего сходства только ППШ и пилотки не хватало. Серега и сам не заметил, что с ним произошло, когда он очутился на дне ямы. На секунду перед глазами свет померк, да голова закружилась. Серега чуть было не упал, с трудом удержался на ногах, схватившись за борт окопа. Восстановив дыхание и зрение, он выбрался из ямы.

Вот так совершенно буднично, без грома и молний, и прочей зрительной мишуры, он оказался в новом, неизведанном мире. Только сперва Одинцов даже не догадывался об этом. Он еще с полчаса побродил по окрестностям, на удивление насобирав полную корзину грибов. И откуда они все повывезали. Он мог поклясться, что этими местами уже ходил, и ничего не было. Наконец, он решил вернуться назад, к машине, и тут обнаружил, что машины нет. Не только отцовской, но даже Патриот брата исчез, как сквозь землю провалился. Может, конечно, родню покусали лесные осы, те взбесились и решили его бросить посреди этой глухомани. Но в эту версию верилось с трудом.

Немного отдохнув, Сергей решил выйти на большую дорогу и добраться до ближайшего поселка. Идти не так уж и далеко. Километров десять. Но в душе жила надежда, что родные просто поменяли место дислокации, решив подобрать его на обратном пути. Тогда далеко он не уйдет. С надеждами через полчаса пришлось распрощаться. Асфальтированной трассы нигде не было. На ее месте стоял непроходимый лес, да грибов, словно в насмешку, было на каждом шагу. В сердцах, Серега зашвырнул корзинку с добычей далеко в кусты и упрямо пошел вперед.

Смеркалось. От голода урчало в животе, да ужасно хотелось пить. С водой вопрос решил быстро. Нашел ближайший ручей и напился вволю. А вот на ужин он насобирал белых грибов и съел их сырыми. Другие грибы трогать не рискнул. Никак не мог вспомнить, можно ли их есть без термической обработки.

Ночевать пришлось в лесу. Одинцову повсюду мерещились волки и прочие лесные хищники. Всю ночь он боролся со своими страхами и мнительностью.

На следующее утро Сергей продолжил путь. Он все еще надеялся, что дикие места закончатся, и он выйдет к цивилизации. Вот и я, встречайте, пришел. Но чаянья не оправдались.

К исходу дня он все-таки вышел к населенному пункту. Увиденное его сильно потрясло. Он сел на землю и долго сидел, не шелохнувшись, словно околдованный, в дерево превращенный. Перед ним лежало большое село домов на двадцать с приусадебными участками. Мычали коровы, заливались задорным кукареканьем петухи. Только не это его удивило. На двадцать участков ни одной машины, ни одного столба с высоковольтными проводами. А при одном взгляде на прогуливающихся по улочкам между домами мужичков и бабенок складывалось впечатление, что он угодил на съемки очередного исторического фильма.

В деревне его встретили напряженно. Мужики смотрели косо, да не верили в его слова, что мол де заблудился несколько дней назад, пытаюсь домой вернуться. Его спросили, из каких он мест и куда бредет. Пришлось придумывать на скорую руку. Мол, из деревни Дубки, иду в сторону Новосокольники. Покивали головами, поцокали сочувственно языками, явно не поверили ни одному слову, но в гостеприимстве не отказали. Определили на постой к старушке, что на окраине деревни жила. Там Серега наелся до отвала какой-то скользкой, но очень сытной кашей с жалкими мясными вкраплениями, отведал местной браги. Старушка очень настаивала. Правда, поспать не удалось. От бражки всю ночь живот пучило. Хорошо хоть спать его на скамье возле дверей определила. Не далеко до ветра бегать.

На следующий день Сергей вышел к городу. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что занесло его очень далеко от дома. Тут не то что об автомобиле или там сотовом телефоне не слышали, да даже о существовании табака не догадывались. А курить очень хотелось. Сегодня ушла последняя сигарета из пачки. Так что налицо табачная проблема. Знал бы он, что в такую передрыгу попадет, рюкзак сигаретными блоками бы набил. Хотя с другой стороны, в этом есть и свои плюсы. Он давно собирался бросить, а тут такой редкий шанс.

Появилась пышная официантка с подносом, на котором стоял кувшин с пивом и деревянная кружка. Подмахнув полотенцем стол прямо перед лицом Сереги, она взгромоздила кувшин на стол, бухнула рядом кружку, очаровательно так улыбнулась и сообщила, что мясо будет чуть позже. Господин, пусть подождет немного. При этом развязанный ворот ее рубахи открывал соблазнительный вид на ложбинку между крепкими грудями прелестницы.

Когда девушка упорхнула, Сергей налил себе пива, отхлебнул, посмаковал и остался доволен. На бабкину бражку, после которой его организм прошел полное очищение, местное пиво совсем не походило. Пить можно.

Осушив, не отрываясь полкружки, Серега крепко задумался. И было о чем. Надо было решать, куда это он попал. Первый вывод напрашивался тут же. Куда-то в прошлое. Второй вывод, в весьма недружелюбное прошлое. Ему доводилось раньше читать в ярких книжках о героях, которых заносило в тот или иной уголок отечественной и зарубежной истории, никогда не мог подумать, что и ему придется примерить на себя костюм «попаданца». Только вот окружающие его реалии мало напоминали книгу. Того и гляди надерут ему задницу, или мечом брюхо попортят, будет уже не до приспособляемости.

Надо было решать, что делать дальше. Куда идти, и вообще как жить в новом мире. Выпив еще немного пива, Серега обнаружил перед собой девицу с тарелкой мяса и овощей. А жизнь не так уж и плоха. Официантка откровенно строила ему глазки, раздевала так сказать на месте. Серега решил, что сейчас накатит еще для смелости и отправится свершать подвиги на любовном фронте. Но не тут то было.

Расправившись с мясом и овощами, Одинцов подозвал к себе приглянувшуюся официантку.

– Посчитай меня, голубушка.

– С вас десять солей, – тут же ответила она.

С глубокомысленным видом Серега забрался в карман, демонстративно погремел мелочью и извлек десяти копеечную монету. А что как раз. Она просила десять неведомых солей. А тут как раз цифра «10» нарисована. Серега катнул монетку по столу. Девушка поймала, удивленно взглянула на нее и, не сказав ни слова, упорхнула в другой конец трактира, оставив Сергея допивать пиво.

И пяти минут на прошло, как напротив него плюхнулся грозный мужик со спутанными волосами и нечесаной бородой в кожаной куртке, голое горло повязано красным шейным платком. На голове плоский блин каски, закрепленный под подбородком кожаным шнурком. Мужик злобно зыркнул на

Одинцова, сграбастал кувшин со стола и выхлебал его содержимое в один присест. После чего сытно рыгнул и спросил:

– Из каких краев будешь?

От подобной наглости Серега стал закипать. Нет, ну не нахал ли человек. Мало того, что все пиво его выпил, так еще и допрашивать удумал. Но тут же постарался взять себя в руки. Может, у них тут так принято. Знак особого уважения к гостю, выпить из его кружки. Акт особого доверия.

Ладно. Попробуем сыграть по их правилам. Хотя местные обряды Сергею очень не понравились. К тому же, ирония злой судьбы, именно сейчас ему дико захотелось еще пива.

– Из далеких. Там за горами, за лесами. В общем, идти умучаешься.

– А к нам чего подался? – мужик пристально посмотрел на Сергея.

– Решил мир посмотреть, себя показать.

– Ясно. Только вот одна беда, ты мне не нравишься. И деньги у тебя какие-то неправильные. Да и пиво у тебя кончилось.

Одинцов почувствовал, что вечер перестал быть добрым. Да и отчего-то очень сильно захотелось садануть непрошенному гостю прямо по каске. А еще тут соблазнительно стоял пустой кувшин.

– Странные у вас какие-то обычаи. Да и места какие-то странные, – задумчиво произнес Серега.

Новая фраза сильнее обозлила незнакомца.

– Тебе чего наши обычаи не нравятся? Не ну ты дохляк совсем зарвался. Сейчас я тебя уму-разуму учить буду.

Мужик грозно засучил рукава. А Сергей отчего-то с удивлением подумал о том, что ни разу не приходило ему до этого в голову. Он четко понимал речь

иномирян, и они его тоже. Но если он угодил в прошлое, то и местные должны говорить на другом языке. А они лопочут, словно только сейчас вместе с ним через дырку между эпохами из двадцать первого века выбрались. Чудно как-то.

– Ты меня чумной совсем разозлил. Я таких как ты не люблю. Пришел, понимаешь. Никто тебя не звал. Да еще разодет, словно пугало огородное.

Мужичок, не смотря на весь свой воинственный вид, не спешил переходить к решительным действиям. А приступил к словесной атаке. Может, и это у них обряд такой. Перед тем как рыло друг другу начистить, попытаться уболтать друг друга до смерти.

Одинцов решил не дожидаться продолжения словесного извержения и сам перешел в атаку.

Он резко ухватил мужичка за голову и от души стукнул его об стол. Чтобы тот надолго запомнил урок, повторил это еще дважды и отпустил. Мужичок обессилено рухнул под стол.

Сергея было решил, что на этом конфликт закончен, но у мужичка нарисовалось несколько особо впечатлительных друзей, которым не понравилось то, как пришелец обошелся с их корешем. От барной стойки бодро поднялись пятеро мужчин в широкополых шляпах с перьями, зеленых плащах и явно при оружии. Прощать такое наглое и агрессивное поведение Сергею они не собирались.

– Ну и влип ты, парень, с лесными егерями в потасовку лучше не ввязываться. А коль ввязался, так беги, что было сил. – Посоветовал ему старичок, сидевший за соседним столом. При этом он прихватил свой кувшин с пивом и кружку и поспешил ретироваться подальше, чтобы ненароком чего-нибудь не прилетело.

Одинцов был и рад воспользоваться советом старичка. Ему самому не улыбалась перспектива трактирной драки, только вот беда. От выхода он находился на значительном расстоянии, да и его уже успели перекрыть трое очень подозрительного вида товарищей. В просторных рубашках, кожаных жилетах, грубых полотняных штанах и в сапогах с высоким голенищем. Выглядели они как самые настоящие разбойники с большой дороги. Да ножички, возникшие у них в руках, не оставляли никаких сомнений в их профессии. Только по какому-то недоразумению эти ножички не дотянули до мечей. Чуть-чуть размера не

хватило, каких-то пять-десять сантиметров.

– Ты гнида такая зачем Скопаря обидел? – произнес один из разбойников.

– Не хорошо людей славных обижать. – Поддержал его один из егерей. Тот что помоложе. При этом он красноречиво засучил рукава и уже взялся за рукоять меча.

Сергея бегло осмотрел поле грядущей битвы. Наметил для себя несколько опорных точек и медленно вырос из-за стола.

На полу зашевелился Скопарь, но Сергей тут же его успокоил выверенным ударом ноги в голову. Теперь он точно долго не поднимется. Но это действие очень не понравилось разбойникам. Они без лишних слов бросились на обидчика.

Не дожидаясь, пока они его схватят, Одинцов заскочил на стол и запрыгал по столам, как юный акробат, при этом умудрился не опрокинуть ни одной миски, ни одного кувшина. Даже пальцы никому не отдал, хотя некоторым следовало бы. В считанные секунды он оказался за спинами разбойников. Те даже опомниться не успели. Не то что развернуться и встретить противника лицом к лицу. Этим Сергей и воспользовался. Он поймал примеченный заранее ухват, которым доставали горшки с тушеным мясом из печки, да протвини с выпеченными хлебами, и что было сил огрел им по спине одного из молодцов. Разбойник от неожиданности заорал, да подпрыгнул метра на два вверх. Еще бы. Недавно ухват был в печке и еще не успел до конца остыть. Другие разбойники бойко обернулись и бросились к Сергею. Одного он ткнул ухватом в грудь, отбросив к противоположной стене, а другой не растерялся, подскочил к Сергею и попытался пырнуть его ножом. Тут уж пришлось Одинцову уворачиваться, правда при этом он выронил ухват.

Безоружный он тут же словил прямой встречный в челюсть, перелетел через дубовый стол и скрылся из виду. Разбойник, обрадованный победой, бросился было к нему, но упал на пол, остановленный разбитым о его голову кувшином.

Как это водится, в трактире всегда найдутся не дураки подраться. А им все равно об кого руки чесать, да и братьев Расстегаев все давно знали. О них шла молва, что «виселица по ним давно плачет». Сущие разбойники. Чем занимаются

и где никто не знал. Раз в месяц они заявлялись в город, да неделю гуляли по всем окрестным трактирам, так что дым коромыслом стоял.

Успокоивший разбойника кувшином местный мельник, дородный дядька, с солидным пузом и кулачищами, что два амбарных замка, поднялся из-за стола и зычно крикнул на весь трактир:

– Наших бьют, мужики!

Что тут началось!

Когда Одинцов наконец-то очухался и поднялся из-за стола, он увидел, что в трактире не дрался только ленивый. Повсюду летали миски и кружки, благо, что они были сделаны из небьющихся материалов, разлетались в осколки кувшины. Все друг друга мутузили с таким воодушевлением, словно это и не побоище вовсе, а всеми горячо любимый народный праздник.

Теперь главная задача выбраться отсюда и не получать нечаянно по голове. С первого взгляда задача казалась неразрешимой.

Внимательно осмотревшись, Серега обнаружил давешних разбойников. Они были сильно заняты разборками с мельником и его друзьями. Те зажали их в угол и пытались намять ребра. Разбойники к себе близко никого не подпускали, выставив ножи, но и сами выбраться из ловушки не могли. Как говорится, сами себя и заперли.

Лесных егерьей Одинцов не увидел. Решил было, что они тут во всеобщей свалке участвуют, и собрался делать ноги, благо двери совсем близко. Рукой подать. Только не тут-то было.

Он сделал несколько шагов по направлению к выходу, как услышал свист рассекаемого воздуха. Думать было некогда. А инстинкт подсказывал ему срочно падать. Что он и сделал. Если бы не послушался инстинкта, остался бы без головы. Оказавшийся у него за спиной егерь отрубил бы ее к чертям. Правда, ничуть не разочаровавшись в неудачной попытке, егерь перешел к другим активным действиям. И попытался ткнуть Серегу мечом промеж глаз. Одинцов не мог этого допустить. Он сделал кувырок вперед, проскользнул между широко расставленных ног бородатого гиганта, недавно вошедшего в трактир и не

успевшего сориентироваться в ситуации, и тут же схватил примеченную ранее кочергу.

Гиганту не повезло. Удар, предназначавшийся Сергею, разрубил ему шею. И, громко хрюкнув от обиды, он завалился на пол, разбрызгивая вокруг себя густую темную кровь.

Егерь тоже немного растерялся. Он совсем не хотел убивать ни в чем не повинного мужика. Теперь отчитывайся перед городской стражей, пиши рапорты, да объяснительные. Потом еще по судам затаскают. Егерь сильно огорчился внезапной смертью гиганта, потому и пропустил сильный удар кочергой по голове. Егерь покачнулся и упал на труп.

Одинцов хотел было отбросить кочергу и бежать, но коллеги лесного егеря перекрыли ему все пути к бегству. Со всех сторон посыпались удары. Серега, сам не понимая, как у него это получается, умудрялся отражать их. Хотя жить захочешь, и не такие чудеса вытворять начнешь. Только вот долго ли он продержится? Неожиданно оказавшийся очень проворным пришелец уже сильно разозлил егерей.

Наконец Сереге удалось отразить удар меча и рубануть кочергой по голове одному из них. Не теряя времени, он перепрыгнул через рухнувшее тело, взлетел на стол и упал, поскользнувшись на пролитом пиве и попавшей под ногу куриной ножке.

Хряснулся спиной знатно. Этим падением тут же воспользовались егеря и бросились к нему. Четверо сшиблись плечами, при этом умудрившись наступить на поверженного пятого товарища. В результате образовалась знатная куча-мала.

И в этот момент входные двери распахнулись, и раздался оглушительный свист.

Что тут началось. Предыдущее побоище по сравнению с повальным бегством казалось детской игрой в песочнице. Кто-то рванул к входным дверям. Только таких умников оказалось приличное количество, в результате образовалась такая толчея, что никому не удалось воспользоваться дверями. Самые умные попробовали скрыться через черный вход. Ирония судьбы заключалась в том, что никто не знал, где он находится. В результате буйная толпа просто разнесла в

доски барную стойку, опрокинула несколько пивных бочек. От напора они лопнули и ароматный напиток, выплеснувшийся рекой на пол, повалил всех.

Одинцов все это время лежал на столешнице лицом к потолку. Оклемавшись после падения, он поднялся на ноги и окинул взглядом поле брани. Ужаснулся. И было чему. Неожиданно решивший сбегать народ, попросту забаррикадировал собой все выходы. Спаслись только парочка отчаянных, которые выпрыгнули в окно, разбив стекла своими телами. Решившие повторить их подвиг, заблокировали и этот выход.

В этот момент двери в трактир распахнулись, и в помещение одновременно влетело с десятков круглых мешочков. Упав на пол, они порвались и по трактиру распространился густой очень гнусно пахнувший дым.

Народ пытался зажать нос и спрятаться от дыма, только он проникал везде. А уж от вони голова кружилась. В результате те, до кого дым все-таки дотянулся, падали на пол и застывали, словно мертвые.

Одинцов стоял высоко. Дым не успел до него дотянуться, поэтому он видел, как в трактир ворвались с десятков воинов с алебардами наперевес. По всей видимости, это были стражники. В нагрудном панцире, остроконечном шлеме, налокотниках и нарукавниках они выглядели как любители экстремального спорта. Особый шарм им добавляли сапоги, окованные поверху металлом. Все это железо при беге гремело и бряцало, словно разразившаяся в отдельно взятом месте гроза, правда без молний и дождика.

Быстро сориентировавшись на месте, стражники поволокли буянов на улицу. Народ особо не сопротивлялся. Даже те, до кого не дотянулся гнусный дым. Похоже, сопротивление властям тут было не в моде. При этом стражники матерились на чем свет стоит и щедро награждали покорных граждан тычками, пинками и подзатыльниками.

Кто-то попытался сдернуть Серегу со стола. Не разобравшись в ситуации, Одинцов саданул наглеца сапогом в лицо. Судя по сдавленному вскрику, попал. Правда, тут же он увидел, что лучше бы так не делал. Пострадавшим оказался один из стражников. От неожиданности, а главное борзости нарушителя, стражник выронил алебарду и схватился за ушибленное место. Из-под пальцев побежала кровь. Знатно приложил. По-другому Серега и не умел.

Коллеги стража порядка ужасно разозлись. Сергея схватили за руки и за ноги. Не церемонясь, сдернули со стола, да ради убедительности пару раз саданули кулаком промеж глаз.

Одинцов понял, что лучше всего послушаться и не оказывать сопротивление при задержании. Закон на их стороне. Еще рубанут алебардой по шее. Потом скажут, что так и было. Лучше уж разобраться во всем в более спокойной обстановке.

Из-за барной стойки выскочил щупленький мужичонка, видно хозяин трактира и заголосил:

– Разорили! Обидели! Унизили! Справедливости и возмездия прошу.

Один из стражников, видно старший по званию, подошел к нему и спросил:

– Кто зачинщик и смутьян всей этой драки?!

Почему-то Серега даже не сомневался в ответе трактирщика.

– Да вот он! – сказал хозяин, да показал пальцем на висящего в цепких руках стражи Одинцова. – Поел, выпил, да деньгами фальшивыми заплатить пытался. Егеря вот и вмешались в непотребство это.

– Разберемся. Накажем, – заверил трактирщика старший и повернулся лицом к Сереге.

Он ничего не успел сказать, потому что в следующее мгновение обиженный стражник отомстил обидчику и крепко приложил Серегу плоской стороной алебарды по голове.

В глазах у Одинцова померкло, ноги подкосились, и он рухнул в беспамятстве.

Выкуп

Утром Серега обнаружил, что в соседних камерах полно народу. Кое кого он даже узнал. Его впрочем тоже. Не смотря на то, что хозяин трактира все убытки решил на него повесить, стражники все же прихватили парочку егерей, трех громил, активно участвовавших в потасовке, да трех разбойников, любителей холодного оружия. Всю ночь они проспали под воздействием гнусного дыма, а поутру очухались. Только вид у них был очень несчастливый. Голова видать раскалывалась, а, увидев пососедству причину всех своих бедствий, и вовсе огорчились. Одинцов услышал о себе массу нового и интересного, только вот почему-то до ужаса одностороннего. Все больше про свои сексуальные пристрастия, да всей его семейки, начиная от матери, заканчивая несуществующими сестрами.

– Слышь, Сергей, а я смотрю ты очень популярен, – оценил Лех Шустрик и довольно улыбнулся.

Серега на это ничего не сказал. Лишь поудобнее, если это было только возможно, расположился на нарах и стал ждать, как дальше судьба повернется. Все равно за решеткой много не навоюешь.

Вскоре утихомирились и его враги.

Но не все.

Один из бравых егерей подошел к краю камеры, взялся руками за решетку, словно решил ее выломать, и прижался лицом к прутьям. И без этого не красавец, а сейчас выглядел так вообще страшно. Бледное вытянутое лицо, большие водянистые глаза, толстый нос, расплющенный о прутья, тонкие губы и грязная пакля волос. В дополнение ко всему под глазом впечатляющий синяк, да старый зарубцевавшийся шрам, протянувшийся вдоль горла, словно кто-то пытался сделать ему колумбийский галстук, но неудачно. Пациент выжил.

– Слышь ты, смертник, ты откуда такой красивый нарисовался? Я тебя, человечек, на всю жизнь запомнил. Ты теперь знай, что Гурт Гнилушка тебя вовек не забудет. Когда я отсюда выйду, мы с тобой обязательно по душам поговорим.

– Гнилушка, отстань от человека. Ты то отсюда может и выйдешь, а вот он вряд ли, – произнес один из егерей.

И камеры взорвались хохотом.

Одинцов на них внимания не обращал. Пусть гогочут. Все равно правда на его стороне останется.

В конце коридора показался ночной тюремщик. Он был не один, а в компании трех стражников, вооруженных алебардами, и богато одетым господином. Его достаток легко можно было определить по дороговому камзолу с надутыми рукавами и золотыми пуговицами, массивной золотой цепи с медальоном, меховой шапке с двумя хвостами и плащу, спускавшемуся к сапогам. Тюремщик семенил подле него и, судя по заискивающему тону, прогибался изрядно.

– Князь Боркич, какая радость, что вы к нам заглянули. А мы уж и не ждали вас так скоро. Помнится, на прошлой неделе вы к нам приходили за товаром. Мы уж и не чаяли...

– Да как не зайти то, когда по всему городу слух такой идет. Про бойца несравненного, который всю таверну старого хмыря Микулы по бревнышку раскатал. Если бы не наши несравненные стражи порядка, он бы и дальше пошел колобродить по окрестным кабакам.

Голос у князя был грубый с придыханием, но чувствовалось, что он себе цену знает.

– Есть у нас такой. Есть. Недавно доставили. Пока сидит тише воды, но глаза злые, чистый зверь, – поддакнул тюремщик, забегая вперед князя, чтобы дорогу показывать. Но князь и без него неплохо разбирался на местности.

Сергея внимательно прислушивался к разговору гостей и не сразу заметил, что все обитатели камер смотрят пристально на него. С чего бы такая популярность?

– По твою душу идут, – успел ему шепнуть Лех.

Сергей кивнул в ответ. Мол, понимаю, спасибо, что предупредил. Но потом только до него дошло, что сказал Шустрик. Это получается, про него говорят, что он таверну по бревнышку разнес, это у него взгляд злой, чистый зверь. Что за чушь несусветная?! Надо объяснить князю, вроде он с виду разумный человек, что это все глупость и выдумки. Он тут не причем. Всего лишь мимо проходил, когда драка началась. Сам то он не местный... Да, стоило признаться, что с легендой дела обстояли хуже некуда. Надо бы срочно придумать что-нибудь стоящее, пока его не заподозрили еще и в чернокнижие и не сожгли на костре.

– Поговаривают, что этот зверь, когда его брали, пятерым стражникам все ребра пересчитал, а одному даже голову разбил. Бедняга, говорят, скончался вчера ночью, – продолжал рассуждать князь Боркич. – Мне бы такой молодец очень пригодился, конечно. Но вначале нужно на товар глянуть, а то вдруг и зубы гнилые, и самому уже восьмой десяток пошел. Молва народная, она же того, приукрашивать любит.

Одинцов поначалу даже испугался. Неужели и, правда, он в запале драки кому-то голову проломил. Никогда драчливостью не славился, а вот тут на тебе. Стоило угодить в прошлое, в иной мир, вышли наружу все дурные наклонности. Но память подсказывала, что не было этого. Никому он голову не разбивал, да ребра не крушил. Его сразу и повязали, даже рыпнуться не успел, и слово «мама» вякнуть.

Князь Боркич остановился напротив камеры Сергея и уставился на него, словно купец на знатного жеребца на торгу. Руки на животе сложил, есть чем похвастаться, да вцепился в дорогой пояс, расшитый драгоценными камнями.

– Этот что ли? – с сомнением в голосе произнес князь. Видно было, что он сильно разочарован. – Хиловат. Хиловат.

– Да он вроде неказистый, но словно волк, который в пылу ярости и медведя завалить может, – тут же затараторил тюремщик. Упускать звонкую монету ему очень не хотелось.

– Медведя говоришь, – задумчиво произнес князь.

Тюремщик жадно облизнулся. Князь славился щедростью, когда ему товар приглянется. Тут уж главное не прогадать.

– Медведя, медведя. Смотрите какой у него взгляд злой. Всю ночь на стенку кидался, да прутья пытался выломать. Еле утихомирили. Я ему в пищу снотворного подмешал. Так он до утра и продрых.

От такого наглого вранья Серега сначала даже дар речи потерял. А Лех Шустрик, выглядывающий из-за спины князя и тюремщика строил такие уморительные рожи, что хотелось придушить его, чтобы не потешался над горем.

– Да что вы его слушаете. Он же врет бесстыже, – вскочил с нар и подбежал к клетке Серега. – Ты смотри, хиппи недоделанный, я ведь из клетки выберусь, и глаз тебе на задницу натяну за такое вранье.

– Во-во, смотрите на него, какая ярость, сущий зверь, – обрадовался реакции Сергея тюремщик.

– Да, есть у него задор в очах. Начинаю верить в молву народную, – покачал головой князь и огладил пятерней черную густую бороду.

– Какая молва, какой задор. Я вчера ничего такого не делал. Сел в трактире пивка выпить, а тут эти подкатили... – Серега отчаянно кивнул в сторону соседей сидельцев, – да драку затеяли. Я только уворачиваться успевал. А потом вообще под столом спрятался.

– Князь Боркич, дозвожь слово молвить, – внезапно заговорил егерь Гурт.

Князь повернулся к нему. Лицо расплылось в широкой ухмылке.

– Ты ли это, Гнилушка? И что опять набедокурил?

– Есть маленько, – заискивающе улыбнулся Гурт. – Молва правду говорит. Я как раз вчера в таверне Микулы и сидел, когда этот пришел. Мы с друзьями отмечали удачную охоту. А тут вваливается, начинает хватать девчонок прислужниц за мягкие места, чуть ли не завалил одну прямо на столе. И это при

всем честном народе. Мы понятное дело вступились. Тут что началось. Если бы не наши стражи порядка, этот безумец ни за то бы не образумился. Не то что таверну, полгорода бы в щепу разнес.

Князь перевел взгляд на Одинцова, потерявшего от подобной наглости дар речи, и покачал головой. Гурт Гнилушка за спиной князя состроил зверскую рожу и показал Сереге язык, похожий на кусок гнилого мяса.

– Вот так так. А с виду то и не скажешь. Ну что делать. Беру я его. Почитай городская казна штраф ему выкатила, так вот штраф этот я погашу. Да плюс сто марок серебром сверху. За хорошего бойца не жалко.

– Двести, – выпалил тюремщик и жадно облизнулся.

Князь помолчал, покачал головой и сказал.

– Согласен. Только ты мне к нему тогда кого-нибудь в качестве подарка дай. А то как-то несолидно.

– А чего не дать. Дам. Вот хотя бы его.

И тут тюремщик ткнул пальцем в Леха Шустрика. Как говорится, кто не спрятался, я не виноват.

Князь свой подарок даже взглядом не удостоил. Только пробурчал под нос.

– Ну что ж, для скотника в самый раз.

Тюремщик направился с высокопоставленным гостем на выход, когда князь вдруг остановился и, не оборачиваясь, спросил:

– А с Гнилушкой ты, что делать собираешься?

– Так что делать, что делать. Гильдия лесных егерей уже за этой братией своего сутяжника прислала. Сейчас сидит у нас, бумажки заполняет. Штраф заплатил, так что к вечеру выпустим.

– Это хорошо. – Оценил князь. – Ты мне мою покупку тоже оформи побыстрее, не тяни. Да привози на постоянный двор «Три сосны». Завтра хочу к дому выдвинуться. Так что тебя только ждать буду.

– Не извольте беспокоиться, – пообещал тюремщик.

И они скрылись за углом.

Одинцов обессилено доплелся до нар и рухнул на них. Мог ли он подумать несколько дней назад, что попадет в другой мир (куда он попал, с этим еще разобраться надо), поучаствует в трактирной драке, и угодит в рабы. Как теперь из всего этого дерьма выкарабкиваться, ни малейшего представления.

– Вот это мы называется с тобой влипли. Основательно. Ладно ты, драчун, задира, забияка, но вот мне то почто такая участь, – переживал Лех Шустрик.

– Не волнуйся ты так, князь Боркич хозяин добрый, – подал голос Гурт Гнилушка. – О своем имуществе он всегда заботится наилучшим образом. А то что у него рабы долго не живут, так в этом все пагубная привычка князя виновата. Уж очень он азартный человек.

– Так это тот самый Боркич, глава гильдии Ристалищ? – от удивления и испуга глаза Леха Шустрика расшились до невероятных размеров.

– Он самый.

– Хорошо, что меня он на скотник определил. Оттуда и утапать можно, а вот тебе Сергей точно не позавидуешь.

– Какой он Сергей? – возмутился Гурт. – Слышал, как его тюремщик назвал? Волк он. Чистой воды Волк. Его теперь на медведей натравливать будут. Так что готовься.

Одинцов лежал молча и ни на что не реагировал. Ему уже не было страшно. Весь свой страх он изжил, пока скитался по лесам. Теперь же осталось только острое, неистребимое желание выжить. Выжить любой ценой. Волк, говорите. Будет вам Волк. Надо и медведя загрызу. Только в рабском ошейнике ходить не стану.

Выберусь и из этой ловушки. Руки в кровь раздеру, но выберусь. Посмотрим, что ты за человек такой, князь Боркич, и с чем тебя едят.

* * *

Вечером за ними прислали карету. Вернее каретой это можно было назвать лишь с большой натяжкой, скорее коробка, сложенная из грубой не ошкуренной древесины, поставленная на тележные колеса. Карету тянула одинокая понурая лошадка, настолько же несчастная, как и те люди, кого она должна была перевозить. Грязная шкура местами была натерта упряжью до крови и образования толстой мозолистой корки. В глазах же лошади читался могильный холмик, где она могла бы обрести долгожданный покой.

Карета подкатила к воротам городской крепости. Из нее выбрался кучер в кожаном пальто, замызганных полотняных штанах, давно забывших о своем изначальном цвете, высоких сапогах с ботфортами и котелке на лысую голову. Кучер окинул взглядом высокую крепостную стену из серого поросшего мхом камня, две сторожевые башни, нависающие над мостиком, перекинутым через ров, полный мутной вонючей жижей, и довольно крикнул. Он подошел к крепостным воротам и забухал в крохотную дверцу караулки затянутым в кожаную перчатку кулаком. На уровне глаз открылось оконце, забранное решеткой, и на прищельца уставилось заспанное существо с грязными волосами шлемом, сбившимся на затылок, и красными пороссячьими глазками.

– Передай Минчу Вустру, что за товаром купленным князем Боковичем прибыл Ханс Хромой. Он знает меня. Да пошевеливайся рыба твоя башка!

Минч Вустр, главный тюремщик градообразующей крепости Рибошлиц, еще утром показывал князю Боркичу живой товар, и он конечно же знал, кто такой Ханс Хромой. Эту бестию знали все в городе и молились всем богам, чтобы он побыстрее уехал вместе с своим хозяином назад в свои владения. Когда-то давно, лет этак сто с лишним назад, Рибошлиц входил в наследные владения княжеского рода Боркичей, но потом в ходе восстания Ста Шапок провозгласил свою независимость. Князья Боркичи регулярно пытались вернуть мятежный город под свое управление, только вот ничего не получалось. Начать полномасштабную войну князья не могли себе позволить по экономическим причинам, а политические и дипломатические выкрутасы ни к чему не приводили. Так и продолжал Рибошлиц управляться выборными от народа. Так

называемым Советом Ста Шапок. А каждый приезд нынешнего князя Боркича воспринимался в городе настороженно, не смотря на то, что князь вроде бы позабыл о былых разногласиях и не помышлял лишить город независимости. Его интересовали дела лишь организованной им Гильдии Ристалищ, приносящей ему существенный доход.

Заслышав о приезде Ханса Хромого, Минч Вустр отослал дюжину стражников в арестантские подвалы готовить покупку к доставке. Сам же отправился навстречу грозному Хансу. Никто не знал, какое он место занимает при князе. Толи кучер, толи камердинер, толи секретарь, но в любом случае место значимое и ссориться с ним было себе дороже.

Появление стражников узники восприняли с воодушевлением. Егеря засустились, повскакивали с нар и прильнули к решетке. Видно надеялись, что это за ними пришли. Стража же прямиком направилась к камере, в которой содержался Лех Шустрый. Его первым выволокли наружу. Лех не сопротивлялся, даже улыбался. Но все-таки пинка под зад окованным в металл сапогом получил. Видно так, для проформы.

– Чего деретесь, гады?! – возмутился он.

Бородатый стражник ухмыльнулся и ласково так сказал:

– Шевелись, давай. Некогда тут с тобой.

Только вот от этой ласки в голосе, кровь в жилах стыла.

Услышав шум в коридоре, Одинцов тоже поднялся с нар и решительно направился к открывающейся решетке. Стража его намерение не поняла. Поэтому он тут же схлопотал тычок обратной стороной секиры в живот и сложился пополам от боли и резкой нехватки воздуха в легких. Воспользовавшись его беззащитностью, двое дюжих стражников облапили его с двух сторон, схватили под руки и потащили на выход.

Бородатый только заметил.

– Поосторожней там с товаром. Князь порчу не любит.

– А мы им на дорожку маковухи глотнуть дадим. И никакой порчи. Только одна бодрость и веселость духа.

Сквозь пелену боли услышал Серега.

Первым делом их приволокли в какое-то служебное помещение, где за большим столом, заставленным стеклянными колбочками, соединенными трубками, сидел седой мужик в больших очках. Увидев арестантов на пороге, химик сразу понял, что от него хотят. Из большой деревянной бочки с краном нацедил в две железные кружки какую-то мутную жидкость и протянул их стражникам. Не церемонясь, они заставили выпить Леха и Сергея этот подозрительный напиток. Они не сопротивлялись. Травить их не будут, да и вреда наносить не собираются, по крайней мере видимого. Как-никак дорогостоящая покупка уважаемого клиента. За порчу он не только шкуру заживо снимет, но и обратно наденет предварительно наspiговав ее ржавыми гвоздями.

Маковуха по вкусу напоминала забористый квас. Только от нее сразу же и сознание прояснилось, и боль куда-то исчезла, и мир вокруг показался каким-то радостным и ярким. Лех, видно осознал, что стражники ему братья родные, и попытался упасть в объятия бородача. Тому это не понравилось, и он грубо оттолкнул Леха, но Шустрик на него не обиделся.

Значит, их все-таки опоили, чтобы посговорчивее были на первое время. Не велика беда. Серегу другой вопрос больше заинтересовал. Откуда в этих средневековых казематах химическая лаборатория могла взяться? Правда, он тут же вспомнил о Ломоносове, который всю химичил в далеком восемнадцатом веке, да и до него алхимики разные порошки и жидкости мешали, чтобы посмотреть, что получится и как на этом можно заработать.

Под руки их вывели на залитый ярким солнечным светом крепостной двор и поволокли за ворота. Открывать их никто не спешил. Арестантов вывели через караульную дверку и подвели по каменному откидному мосту к арестантской карете, показавшейся Сереге, видно благодаря волшебной маковухе, очень даже уютной и красивой. Запихнув арестантов в карету, стражники встали вокруг нее караулом. Надо же товар сдать в лучшем виде. Вот и стали ждать возвращения Ханса Хмурого. Он вскоре появился в сопровождении Минча Вустра. Судя по раскрасневшимся лицам, они уже успели накатить по стакану крепкого вина.

– И надолго вы в Рибошлице собираетесь задержаться?

– Да вроде поутру завтра съезжать хотим, – сообщил Ханс. – Только вот я не всех еще окрестных курочек перещупал. Я бы остался.

– Да, бабенки у нас знатные! – залился дольным смехом Минч Вустр.

– И не говори. Одна с меня всю прошлую ночь не слезала. Думал, до смерти заедит.

И вот они уже хохочут вместе.

Ханс Хромой залез на козла, взял в руки кнут, подвинул котелок на голове и обернулся к тюремщику.

– Я к тебе в следующий раз обязательно загляну. Уж очень твое вино мне по вкусу пришлось.

– А я тебя к лучшим бабам из Веселого квартала отведу. Уж мы там оторвемся, – пообещал Минч Вустр.

Ханс поерзал на козлах, удобнее устраиваясь, взметнул кнут и несильно так щелкнул лошадку по боку. Она отлично все поняла и тронулась с места. Карета покатилась, раскачиваясь на выбоинах в брусчатке, оставляя позади себя крепостные стены.

Первое время Одинцов глазел по сторонам, прильнув к решетчатому окошку. Они ехали по узким городским улочкам. При приближении кареты прохожие были вынуждены жаться к стенам домов, чтобы не угодить под колеса. Изредка попадались рыцари верхом на лошадях с богатыми попонами. Облаченные в легкую броню, они щеголяли в богатых черных плащах и шляпах с перьями. И вели себя настолько заносчиво, что то и дело хватались за рукояти мечей, правда никто еще их не обнажил. Даже Ханс, завидев рыцарей в черных плащах, старался отъехать в сторону, чтобы не мешать им на пути. Они не будут разбираться, кто и откуда, засекут насмерть. Уж потом перед князем виниться станут, когда выяснится, что это его человек был.

Среднестатистический древнерусский город эти улочки не напоминали. Из чего можно было сделать вывод, что если он и провалился в прошлое, то уж явно не отечественное. Теперь бы понять, в какой он стране находится, да хотя бы в какое приблизительно время.

Наконец Сереге наскучил однообразный пейзаж за окном, и он повернулся лицом к Леху. Только теперь при нормальном освещении он смог его рассмотреть. Невысокого роста, исхудалый, только одни большие глаза и остались, да длинный острый нос с горбинкой. В сущности, Лех Шустрый был еще мальчишкой лет двадцати на вид. Хотя по меркам этого времени он был уже очень зрелым человеком. Добрая половина его ровесников уже давно обзавелась собственными домами, семьями, да оравой детишек. По Леху же было видно, что он еще тот пройдоха.

– Ты, кажется, утверждал, что из любой западни выбраться сможешь? – первым заговорил Сергей.

– Ну? – прищулив глаза, словно проверяя монету на фальшивость, спросил Лех.

– И из этой сможешь?

– А тебе какое дело? – настороженно спросил Шустрик.

– Да любопытно. Не хочется здоровье свое на поле битвы оставить.

– Да уж сразу видно, что из тебя боец хлипкий. И какой из тебя Волк. На Волка ты мало похож.

– Ну, ты потише, это как раз мое дело, – резко сказал Серега.

– Так чего ты хочешь?

– Выбраться из рабского ошейника, который мне с минуты на минуту на шею нахлобучат.

– А я тут при чем? – деланно удивился Лех.

– Думаю, что ты мне в этом помочь можешь.

– Широко размахнулся, чудаков человек. Только вот я за бесплатно никому не помогаю. Моя помощь звонкой монеты требует.

– Так нет у меня монет. Пока что не разжился, – растерянно развел руками Серега.

– Появятся, обращайся.

Оба умолкли. Сидели друг напротив друга и наблюдали.

Первым нарушил молчание Лех. На этот раз он говорил очень тихо. За грохотом колес по брусчатке его итак не было слышно, но лишняя предосторожность не помешает.

– Ладно, помогу тебе. Только вот одна беда. Я пока еще не решил, как выбираться буду. Можно попытаться на постоялом дворе ноги сделать. Мы там скоро будем. В запасе у нас одна ночь. Утром, сам слышал, князь в свои земли отбывает. В дороге нам точно ничего не светит. А уж когда приедем, там видно будет. На месте еще осмотреться надо. Меня князь Боркич как-то к себе в гости ни разу не звал. Так что сейчас сложно что-либо сказать.

Одинцов довольно улыбнулся. Союзник у него теперь есть. Это хорошо. Дело осталось за малым, удачно сбежать. Только вот долго ли он сможет бегать без денег и понимания, кто есть кто и что есть что в этом мире.

– Слушай, Волк, я то смотрю, что сам ты не местный. Думал сперва, что откуда-то из соседних земель. Но вот теперь чем больше вглядываюсь, да тебя слушаю, тем больше убеждаюсь, что по соседству с нами такое чудо обитать не могло. Так откуда ты взялся? – спросил неожиданно Лех.

– Это долгая история, – задумчиво произнес Серега, пытаюсь понять, с чего бы начать свой рассказ.

– Да мы вроде никуда не торопимся, – сказал Лех.

Одинцов только хотел начать свой рассказ, как карета остановилась перед трехэтажным ухоженным зданием с вывеской «Три Сосны».

Ханс Хромой спрыгнул с козел и направился открывать клетку.

– Кажись, приехали. Придется твой рассказ отложить до свободы, – сказал Лех.

Глава 4

В дороге

Не смотря на середину осени, солнце припекало знатно. В тесной перевозной клетушке, где сидели Одинцов и Лех Шустрик было не просто жарко, а ужасно жарко и очень душно. Карета катила вперед по укатанной гладкой дороге через густой смешанный лес, окруженная десятком рыцарей в полном боевом облачении. На их плащах красовались перекрещенные мечи, поверх которых расцветала золотая лилия. Еще два десятка охраняло первую карету, выглядевшую куда презентабельнее, чем их арестантский фургон. В первой карете ехал сам князь Боркич. Возвращался домой с покупками.

По распоряжению князя они выехали поутру и сперва ни жары, ни духоты арестанты не чувствовали. Только жуткую вонь. За ночь древесный пол в карете отсырел и пахло плесенью. После обеда стало припекать. Теперь же они, не взирая на вонь, по очереди лежали на полу. Пока один лежит, другой, прильнув к решетчатому окошку, дышит свежим воздухом. Потом меняются. Иначе не продержаться. А ехать еще долго. Все безмолвно.

Они не разговаривали с прошлой ночи, после своего неудачного побега. А ведь начиналось все очень хорошо.

* * *

По приезду на постоянный двор «Три Сосны», их разместили в отдельной комнате неподалеку от княжеских апартаментов. Так что можно сказать остановились

шикарно. Изначально комната предназначалась прислуге богатых гостей, но князь не хотел терять из виду свои покупки. Поэтому Хансу Хмурому пришлось отправляться спать этажом ниже. Но, судя по его довольному виду и залившейся краской горничной, поспешившей скрыться в одной из подсобных помещений, он этому не особо огорчился. Будет ему чем ночью заняться.

Перед тем как отправиться спать, узников плотно накормили. Давешняя горничная принесла поднос со всякой снедью из соседнего трактира. Был тут и кусок мяса и миска с какими-то овощами, все лучше, чем похлебка из крысиных хвостиков. Даже кувшин с разбавленным вином стоял. Судя по вкусу в нем было две трети воды, остальное вино. Но узники и этому были довольны.

Все то время пока они ужинали, Ханс Хромой сидел напротив них на табурете и поигрывал кнутом. Серега уже видел, как кучер умеет им управляться и убедиться лишний раз в его мастерстве очень не хотелось. После того как миски опустели, кучер плотно привязал узников к столбам, поддерживающим крышу, убедился в прочности своих узлов и, довольно крикнув, потирая штаны в районе промежности, удалился из комнаты. На ночь он им оставил еще один кувшин с разбавленным вином и пустое ржавое ведро, чтобы было, куда нужду справить.

После того как затих шум шагов, Одинцов уставился на Леха вопросительно. Но тот лишь ерзал вокруг столба, устраиваясь на ночь поудобнее. Руки были связаны сложным узлом вместе, другой конец веревки был привязан к столбу. Так что вполне можно было улечься на полу и до утра храпака давать. Правда, насколько Серега помнил, в их планы это не входило. Устроившийся возле столба Лех грозно зыркнул на Сергея глазами:

– Чего уставился? Ложись, давай, – зашептал он. – Ночью побежим, когда все уснут.

Одинцов, не задавал лишних вопросов, улегся на пол, руки под голову положил и сделал вид, что закрыл глаза. Сам же продолжал наблюдать за Лехом. А Шустрик и впрямь заснул. Даже храпел, да так аппетитно, что Сергею и самому захотелось спать. Только заснуть так и не удалось. В голове теснились мысли. Все больше о том, где он и как сюда попал.

Ближе к полуночи, судя по лунной дорожке, пролегшей через всю комнату от окна к двери, Лех перестал храпеть и резко открыл глаза. Словно он и не спал

вовсе, а комедию для тюремщиков ломал. Он поднялся с пола, сел и сложил перед собой руки.

– Смотри и учись, – сказал он тихо и в мгновение избавился от пут.

Научиться этому Серега все равно бы не смог. Он так и не успел заметить, как у его напарника это получилось. А попросить повторить на «бис» было неуместно.

Лех поднялся, осмотрелся, крадучись подошел к окну, так чтобы лишнего шума не наделать. Но все равно пару половиц скрипнули. Лех проверил ставни, выглянул через стекло на улицу. Увиденное похоже ему понравилось, поскольку он тут же вернулся к Одинцову, присел перед ним на корточки и занялся его руками. Освободил в считанные секунды.

Серега принялся растирать затекшие запястья, на которых остался след от веревки.

– Следуй за мной и делай только, что я скажу. Никакой отсебятины, – потребовал Лех.

– А что будет с нами, если поймают? – спросил Серега.

Лех сделал вид, что задумался.

– Ну, князь нас купил, погасил наши долги, стало быть, мы его собственность. Мы пытаемся сбежать, стало быть, мы крадем собственность князя. Что же будет, если нас поймают? Задача сложна. Думаю, одному из нас отрубят руки и ноги, вывезут куда-нибудь подальше в лес и бросят. Хотя вероятно, мучатся не будут и отдадут в Яму, где такого коротыша выставят на всеобщее обозрение, чтобы другим неповадно было.

– Что такое Яма? – спросил Серега и облизнул внезапно пересохшие губы.

– Рыночная площадь. Ты кстати не думай, скончаться от ран не дадут. Культи прижгут. Так что умирать будешь мучительно и долго. Мухи будут сидеть на тебе и в раны откладывать личинки. А каждый прохожий будет почитать за честь плюнуть тебе в лицо.

Лех склонил голову на бок, вглядываясь в окаменевшее лицо Одинцова.

– Ну, что впечатлился?

– А почему я? – только и смог спросить Серега.

– Да брось ты. Это я просто так сказал, чтобы ты и не думал никому попадаться. А теперь пошли.

Лех сильно хлопнул Сергея по плечу. Так что захотелось ударить в ответ и желательно в глаз за такие шутки, хотя Серега отлично понимал, что шутками тут и не пахнет. Вполне могут за попытку побега сотворить все те ужасы, о которых говорил Лех.

Дверь оказалась заперта на ключ. Так что над замком пришлось повозиться. Сперва Лех долго кружил по комнате в поисках чего-нибудь длинного и острого. И наконец нашел в углу за кроватью россыпь ржавых иголок.

– Похоже, наследство какой-то колдуньи, видно пыталась на постояльца порчу навести, – сообщил он, выбирая самую длинную иголку.

– У вас тут еще и колдуньи есть? – спросил Серега.

– А что ты думал? Обязательно. Куда же без них. В других городах, правда колдуньи не сильно высовываются. А то можно и на костер попасть. А вот в Рибошлице с колдуньями куда проще. Идут в Городской магистрат и получают разрешение на работу. Правда, раз в месяц надо обязательно налог заплатить, иначе можно и разрешение потерять. А вот без разрешение точно одна дорога на костер.

Лех отыскал иголку нужной длины и тут же отправился к двери. Пришлось несколько минут повозиться, но все же замок он открыл и замер, прислушиваясь к дыханию дома. Но постоялый двор спал и не ведал о побеге. Лех аккуратно приоткрыл дверь и выскользнул в коридор. Следом двинулся Сергей, боясь задеть дверь и распахнуть ее полностью. Он помнил, что в самом конце она заунывно скрипела. Этот скрип посреди ночи будет подобен пожарному набату. Так что лучше не рисковать.

Одинцов хотел было двинуть направо по коридору, но Лех дернул его за рукав налево.

– Так ближе, – успел он шепнуть. – Я тут раньше бывал.

Стараясь не ступать на всю ногу, они пошли по коридору подальше от комнат, занимаемых князем. Там рядом с ним еще и рыцари личной охраны жили. Не ровен час разбудишь, порубают в капусту, а потом разбираться будут свой или чужой пожаловал.

Пройдя по коридору до конца, они оказались перед темной и пыльной лестницей. Лех поднял руку, призывая остановиться. Несколько минут они молча стояли, пока глаза привыкли к темноте. Все-таки предстоял спуск вниз. Не хотелось сверзиться со ступенек. Тут не только весь дом разбудишь, тут и шею сломать можно.

Лех пошел первым. И через несколько ступеней темнота поглотила его, словно он спустился в преисподнею. Серега поспешил за ним, но вскоре поумерил свою прыть. Лестница была крутой, да и перила, на которые он облокотился, изрядно расшатаны. Так что их можно было только придерживать, ни в коем случае не наваливаясь.

Так неспешно они спустились на первый этаж и оказались в темном тесном коридоре. Явно служебном. По пути им никто не встретился. Они продолжили путь, придерживаясь рукой стены. Идти приходилось медленно и аккуратно. По пути попадались различные препятствия: тюки с одеждой и постельным бельем, тазы, детские игрушки и прочая всячина.

Лех изящно скользил по коридору, словно предугадывал заранее все препятствия, а вот Одинцову приходилось туго. Даже повторяя за компаньоном все шаги, он то и дело на что-то натыкался, в результате чего сильно отстал.

Лех был уже в конце коридора. Осталось только повернуть налево, пройти небольшой отрезок открытого пространства и перед ними дверь черного хода. Там конечно придется чуть повозиться, чтобы ее открыть, и вот уже задний двор. Его по ночам охраняли собаки, но Леха они знали. Для одной деловой операции в свое время он их прикормил, так что на беглецов они и пасть открыть не посмеют. И в конце всего пути долгожданная свобода. А дальше

прочь из города в леса. Там уже можно будет залечь в берлогу, осмотреться и подумать, что делать дальше.

Но всем этим планам не суждено было сбыться. Очередное препятствие встретило Серегу подлой подножкой. Он споткнулся об какой-то таз с водой, отчего-то стоящий на табурете. Таз с грохотом опрокинулся на пол. Лех вздрогнул и резко обернулся. Один его взгляд был способен испепелить на месте. Но на этом беды беглецов не кончились. Ближайшая дверь в коридор отворилась, и из нее выглянула женщина в чепчике и прозрачной ночнушке. В руке она держала горелку, вырвавшую фигуру Одинцова из темноты. При виде его, женщина на секунду замерла, а потом издала такой вопль, что наверное разбудила полквартиры. Серега тоже в долгу не остался, схватил первое, что попало под руку и бросил в женщину. Инстинкт, что поделаешь. Уж очень дико она кричала. Хотелось заткнуть побыстрее. Попалась ему под руку влажное полотенце. Получив мокрой тряпкой по лицу, женщина не то что кричать не перестала, она заорала сильнее. Тут уж и оставшаяся часть квартала проснулась. Но ориентацию в пространстве потеряла.

Этим и поспешил воспользоваться Лех. Он промчался по коридору, поскользнулся на мыльной воде, но устоял на ногах, подхватил Сергея под руку и дернул за собой. За считанные секунды они взбежали вверх по лестнице, пролетели по коридору второго этажа до своей комнаты и нырнули в нее. И вовремя. Захлопали открывающиеся двери, люди выглядывали в коридор и спрашивали друг у друга:

– Что здесь произошло?

– Вы что-нибудь видели?

Выскочившие из своих комнат рыцари в исподнем с обнаженными мечами пугали всех любопытствующих, но их интересовала только комната князя Боркича. Вокруг нее они заняли глухую оборону.

– На место, – прорычал Лех.

И Серега его послушался.

Шустрик оправдал свое прозвище. Он стремительно спутал ему руки, нырнул к столбу и мгновенно себя связал. После чего развалился на полу и тихо так захрапел. Одинцов последовал его примеру.

Успел вовремя. Дверь в их комнату распахнулась и внутрь прыгнул Ханс Хромой в одной ночной рубашке с обнаженным мечом. Осмотревшись и убедившись, что его подопечные на месте (они старательно изображали разбуженных истошными воплями), Ханс что-то буркнул невразумительное и вышел из комнаты, заперев ее за собой.

Только тут Серега понял, насколько сильно они были на грани провала. Тут уже не шла речь о мокрых следах, оставленных Лехом. Ханс в сумраке их просто не увидел. Но в испуге и суматохе он не заметил, что дверь в комнату была открыта, когда он сам ее и запирал. Оставалось надеяться на то, что спросонья он не сопоставит эти два маленьких фактика между собой и не сделает правильный вывод.

Лех, ни слова не говоря, отвернулся к столбу и мгновенно заснул.

Утром он продолжал хранить молчание.

* * *

Жара спала ближе к вечеру. За зарешеченным окошком ничего интересного не происходило. Все те же нескончаемые леса и поля, багровое солнце залившее кровью желтеющие верхушки деревьев, да извилистая проселочная дорога, полная выбоин и камней. На них карета подпрыгивала вверх, а Одинцов чувствовал задницей всю прелесть средневекового транспорта. Он сидел в левом углу кареты и смотрел на кусочек темнеющего неба, видный сквозь решетку окна. Судя по черным тучам, обволакивающим небо, скоро разразится дождь. Серега с сомнением посмотрел на грубо сколоченный потолок. Очень хотелось бы до начала дождя доехать до пункта назначения, иначе придется принимать душ прямо тут. И он очень сомневался, что дадут теплую воду.

Одинцов столкнулся взглядом с сидящим напротив Шустриком. Тот изучающе смотрел на него, словно пытался решить для себя жизненно важную задачу.

– Чего уставился? – грубо спросил Серега.

В этом диком мире он постепенно отучался от хороших манер. Хотя, признаться честно, никогда ими не страдал.

– Вот думаю, какого бога молить за такого удачного попутчика, – насмешливо произнес Лех. – Ты вот мне скажи, у тебя бабы давно не было?

– Не понял, – честно признался Серега.

– А перед визитом к женщинам ты решил омыться?

Серега насупился. Он уже догадался, что над ним потешаются.

– Так чего тебе от служанки потребовалось? Ты такую операцию сорвал, что аж злость берет. Хочется тебя убить. Уж извини за откровенность. Мы были в двух шагах от свободы, а теперь сидим опять за решеткой.

– Я таз не заметил, – сказал Серега, начиная злиться. – А чего ты назад то побежал? Когда мы могли бы рвануть на улицу.

Вот какого черта его этим попрекать. Накосячил, так ведь и не отпирается. Самому обидно, что так глупо все получилось. А теперь вынужден все это выслушивать.

– Поймали бы нас по горячим следам. А я в Яму не хочу.

Замолчали, обдумывая незавидные перспективы.

– Ладно. Чего уж там. Дело пройденное, – неожиданно легко махнул на все Лех. – Давай лучше теперь думать, как выберемся на этот раз. В пути можно и не помышлять о побеге. Конечно, расковырять этот ящик и податься в бега можно. Но после того как мы выпорхнем из клетки, будем как на виду, и любая тварь нас тут же и положит. Так что не выход. Остается ждать прибытия в город князя.

Одинцов с сомнением осмотрел стены их передвижной тюрьмы. Шустрик, конечно, мастер видный, если он может лишь руками, да ногтями этот ящик расковырять. Не смотря на щели и прочее, сколочен он добротно, на века. Он тут же припомнил, что Лех выбрался из веревки на постоялом дворе. Сергей и сам пытался несколько раз, мучаясь от бессонницы, развязать узлы, но ничего не вышло, а вот у Леха быстро все получилось. На то он собственно и Шустрик.

– Скажи, а как это ты с веревками управился? – не удержался все-таки от любопытства Серега.

– Профессиональная тайна, – гордо ответил Лех.

– Это при таких тайнах, что же у тебя за профессия? – тут же спросил Сергей.

Но Шустрик ему сразу не ответил, подумал, пожевал нижнюю губу и неожиданно произнес:

– А ведь я о тебе в сущности ничего не знаю, кроме того что ты не дурак кулаками помахать. Может, ты, мил-человек, сухарь подсадной, а я тут перед тобой душу выкладывать буду, да секретами профессиональными делиться. То, что ты со мной шамкой поделился, это еще ничего не значит.

– А за сухаря, – обиделся Серега. Что означает слово «сухарь» на местном жаргоне он не знал, но явно что-то неприятное, – можно и в глаз получить.

– Ишь ты какой обидчивый, – покачал головой Лех. – Слушай, а давай тогда ты мне, я тебе.

– Ты это о чем?

– Ты расскажешь мне о себе, а я тогда, так уж и быть, раскрою тебе тайну своего происхождения, и работы.

Одинцов изучающе посмотрел на Леха и ехидно усмехнулся.

– А чего тут раскрывать. Давай лучше наоборот.

Это предложение повергло Шустрика в состояние обалдения.

– То есть как это?

– Да очень все просто. Я про тебя все расскажу, что вижу. А ты дополнишь или поправишь, если где ошибся. Ну и ты, соответственно, сделаешь то же самое. Неужели, так сложно угадать, кто я и откуда пришел? Как тебе предложение?

Сергея бросил взгляд на Леха. Удалось ли заинтересовать? Кажется, клиент плотно сидел на крючке.

– А что? А давай попробуем. Мне эта игра нравится, – согласился Шустрик.

Сергей тут же соорудил кислое выражение лица, и цыкнул языком с сомнением.

– Да ну. Чего-то скучно просто так играть.

– И чего это тебе скучно? Разве есть чем еще заняться?

Лех, обиженный, что у него отняли развлечение, деланно огляделся по сторонам.

– Что-то я не вижу столов с яствами, дармовой выпивкой и готовых на все дамочек.

– Да нет, конечно. Заняться нечем. Но вот играть в угадалки просто так скучно. А вот давай тогда так. Если я угадаю, то ты должен мое желание выполнить. А если ты, я твое. Если же оба угадаем, то никто никому ничего не должен.

Шустрик для вида нахмурился, но тут же согласился. Ударили по рукам. В этом мире существовала такая же традиция.

– Ну, давай, ты первый, – с жадным интересом уставился на Серегу Лех.

– Первый так первый, – задумчиво произнес Одинцов, пристально разглядывая товарища по несчастью. – Что же мне про тебя сказать?

– Ты что сдаешься? – удивленно вытаращился на него Шустрик.

– Да погодь ты, думать не мешай.

Пару минут для приличия Серега помолчал, усиленно изображая глубокий мыслительный процесс. Наконец заговорил.

– Значит так. Лет тебе восемнадцать, может, конечно, и двадцать, но я бы не дал...

– Чего это бы не дал? – тут же взвился обиженный Лех.

В этот момент где-то далеко прогрехотало, и решетку окна высветила вспышка молнии. А в следующую секунду ливануло солидно. Тут же из всех щелей на узников полился холодный дождь. Получился отличный контрастный душ после дневной жары.

– Вот дерьмо, – выругался Шустрик, мгновенно позабыв все обиды.

На время рассказ оказался прерван. Узники ерзали по клетке в поисках сухих мест, куда дождь сквозь щели не доставал. Найдя такие островки суши, они расселись, и Сергей продолжил тренироваться в дедуктивном методе.

– На чем я там остановился. Ах да. Возраст. Итак, лет двадцать максимум. Больше и не проси. Не дам. Тебе и двадцати за глаза и уши. Места жительства постоянного у тебя нет. Шляешься по всему свету, как Бог на душу положит. Что-то мне подсказывает, что семьи у тебя никогда не было...

– Да, приютский я. Родителей не знал никогда. Меня на порог Обители Последнего Дня подбросили. Там я и вырос, – неожиданно добавил Лех.

– Оттуда ты скорее всего и сбежал. Только вот интересно почему? Подожди. Не говори. Сам вижу. Шкодить по детству любил. Небось, за выходки тебя не очень жаловали, а тебе хотелось хотя бы понимания. Вот ты и сбежал.

– Точно так и было. Я брату Никодиму подсунул ежа в кровать. А он как с караула приходил, обязательно в хорошем таком подпитии. Любил бывало к нам

в спальню заглянуть, всех выстроить в шеренгу обязательно в ночных рубашках. Одеваться не давал, да загнет что-нибудь про спасение души, про грехи смертные и прочую лабудень. Мы стоим мерзнем, а ему хоть бы хны. Ходит вдоль воспитанников, боящихся шевельнуться, да речь толкает, а сам все винцом пробавляется. Ну, меня как-то злость взяла, я ему в постель ежа сунул. Кто же знал, что еж тот какой-то больной. Поколол он брата Никодима, а у того к утру горячка началась. Распух весь, словно помидор семенник с грядки. Дней десять в бреду пролежал. Братия все ходила, допытывалась. Кто эту гадость сотворил. Ребят в исповедальне сутками держали. Никто почему-то не верил, что еж сам забрался. В общем, я признался. Меня посекли сурово. Когда же я оклемался, то тут же решил бежать, во что бы то ни стало.

Лех нахмурился. Было видно, что вспоминать ему об этом было даже сейчас тяжело.

Сергей кивнул головой, словно именно об этом и собирался сам рассказать, пока его не прервали, и продолжил:

– Долго ты скитался, по городам и весям, а потом видно попал в дурную компанию. Там многим своим фокусам научился. Думаю, что в какую-то воровскую шайку угодил. Несколько лет с ними погастролировал, а потом решил сам себе хлеб насущный добывать и ни с кем не делиться.

– И тут ты прав. Хотя одно слово я так и не понял. Что это значит «гастролировать»?

Одинцов разъяснил.

– Во, точно так все и было. Я ведь сначала милостыней пробавлялся. Мальчонку многие жалели, хотя были и такие, кто пытался воспользоваться молодостью и моим голодом. Помню одну почтенную даму, которая прилюдно меня кормила и пригласила к себе домой, чтобы я переночевал под крышей. Даже комнату мне выделила богатую, а ночью сама ко мне появилась, в чем мать родила... – продолжать историю Лех не стал, задумался. – Потом я встретил Мальки Черного. Дело это кажется в Льсконье было. Он сам меня приметил и подошел. Слово за слово. И я оказался вместе с ним и его шайкой. Они себя называли Черными Шарфами, носили такие дрянные шерстяные шарфы на шеях. Причем все разного цвета. Черных то почитай только парочку и было на всю банду. Они

грабили ночных прохожих, забирались в дома. Я с ними два года гастролировал, так это кажется ты называл. У Малька в банде были ребяташки от мала до велика. Даже один семилетний пацаненок. Худой словно палка, мелкий, зато в любое окошко залезет. Его потом поймали и повесили все в том же Льсконье. К тому времени я уже давно подался на волю. В банде было тепло и уютно, каждый за всех радел. Только вот сам Мальк человек мерзкий. Когда я сбежал, он поклялся меня найти и кишки на волю выпустить, раз я такой свободолюбивый.

– Богатая у тебя жизнь, – покачал головой Серега. – Сдается мне, что ты и сейчас не сошел со скользкой дорожки.

Лех удивленно посмотрел на товарища, потом себе под ноги и ответил:

– Я вообще-то стараюсь по опасным тропинкам не ходить. А то можно и голову ненароком потерять.

– Я не о том. Ты до сих пор этим занимаешься?

– Если ты о воровстве, то конечно нет. Я построил себе маленький пивной заводик, вот от него и живу. А по миру странствую под видом проходимца, так ради развлечения, – неожиданно зло ответил Лех.

– Чего ты заводишься? – спросил Серега.

– Я тебе не машина, чтобы заводиться, – неожиданно сказал Шустрик.

Одинцов вытаращился на него, как на чудо света. О какой такой машине он тут говорил, если вокруг одни мечи и глухое средневековье. Сердце забилось учащенно.

– Повтори, что ты сейчас сказал, – попросил он, боясь, что ему все послышалось.

Но Лех его просьбу проигнорировал.

– Так. Я теперь про тебя все рассказывать буду. Со своей задачей ты справился. Молодец. Настал черед и мне судьбу пытаться.

Шустрик выдержал паузу и выдал:

– Вот смотрю я на тебя. И сдается мне, что ты не просто драчун забредший. Из других краев путешественник. Вижу, я ясно, что ты к нам, как бы не из другого мира свалился.

От удивления Серега даже рот раскрыл, да так и застыл.

Глава 5

Беглецы

Посередине ночи Одинцова разбудили крики, фыркание лошадей и шум сталкивающейся стали. Он раскрыл глаза и резко вскочил, готовый отразить любую атаку, и сразу сообразил, что отражать ему нечего, поскольку он заперт в арестантском фургоне. Ледяной, казавшийся уже нескончаемым дождь помог ему быстрее разобраться в ситуации. Из сухого закутка Сергей выскочил на мокрую половину и тут же промок.

– Чего всполошился? – недовольно спросил его Лех, поднимаясь с пола.

– Чего это они там расшумелись?

Шустрик тут же насторожился, прислушался к шуму снаружи и бросился к единственному окну. Серега, не взирая на дождь, потеснил его. Вдвоем они пытались рассмотреть в ночном мраке, что происходит. Получалось у них плохо. Были видны только какие-то огненные точки, кружащиеся по лесу, а шум нарастал со всех сторон. Понятное дело, что кто-то с кем-то сражался, только вот ни черта не видно. И это злило и заставляло нервничать. Причем не только Сергея.

Мелькнула какая-то смазанная тень и в стену фургона вонзилась стрела. Промахнись она на пару сантиметров, Сереге было бы уже не до побега. Он отпрянул в испуге в сторону. Только что разминулся со смертью. И пусть теперь

Танька его и дальше «невезучим» зовет, неправда это. Тут же он вспомнил, что с Таней они вот уже как три недели расстались, да и вряд ли увидятся в свете последних событий. За этими мыслями и стрела, и промазавшая смерть как-то отодвинулись на второй план. Вновь вернулось любопытство, и он прильнул к окну, беря пример с Леха. Прилетевшая стрела его даже не заставила моргнуть. Видно к таким делам он давно привыкший.

Они появились со всех сторон. Закованные в тяжелую броню, в шлемах, исполненных в виде свирепой кабаньей головы, с копьями наперевес воины накинулись на оборонявших кортеж князя Боркича рыцарей. Те ожидали нападения, поэтому успели построиться и встретить врага. Первые ряды с громким лязгом столкнулись и пошла мясорубка.

Сергея вытянул шею, прильнул, расплющив об решетку лицо, и увидел, что карета князя лежит неподалеку, опрокинутая на бок. Отломанная видно в падении дверца валяется рядом, и никого внутри. Интересно, князь успел сбежать, или сейчас сражается вместе со своими рыцарями? Найти ответ на этот вопрос Сергей не успел. Лех ткнул его локтем в бок и яростно зашептал:

– А ведь это, чудаков-люди, просто удача, что верчеры напали на княжеский поезд. Теперь мы под шумок можем попробовать дать ноги.

– Слушай, кончай меня называть чудаком. Я Сергей Одинцов. Мне других имен не надо. И кто такие верчеры?

– Верчеры это вон те кабаньеголовые. Рыцари барона Верчера. Он давно поругался со всеми своими соседями и ведет по сути разбойничий образ жизни. А с нашим князем так вообще на ножах. Боркич помнится женился на его старшей дочери, а год назад схоронил ее. Поговаривают, князь умучил бедняжку в своем замке. Барон поклялся ему отомстить. Видно сейчас он и пытается это сделать.

Где-то в глубине леса пропел рожок. Танцующие огненные пятна стали приближаться и оказалось, что это факелы, которые держат в руках кабаньеголовые рыцари. Похоже, к верчерам пришло подкрепление, и княжеским солдатам грозит скорая и неумолимая расправа. Они сбились в кучу, оцетинились клинками и замерли в ожидании последней схватки.

– Слушай, Одинец, чего стоишь столбом. Быстрее, помогай давай.

Сергей обернулся и увидел, что Лех времени зря не терял. Он засел в углу и усиленно долбил каблуком башмака по доскам пола.

– Тут крыса доску погрызла, да и гниль свое дело сделала. Надо быстрее выбираться, пока верчеры не пустили наших ребят на колбасу. Поверь, у барона в плену тоже сладко не будет. Посадит в подвалы и будешь с утра до вечера динамо-колесо крутить, – ворчал Лех, старательно колотя ногой по доске.

– Что крутить? – переспросил Серега, заинтересовавшись последним словом Шустрика.

– Ты что издеваешься? Или умом тронулся окончательно? Помогай, давай, пока еще не поздно, – яростно зашипел Лех.

Одинцов бросился к нему. В это время сильный удар в правый бок арестантской кареты сбил его с ног. Карета перевернулась. Серега пребольно ударился о потолок клетки и упал, при этом сильно ушибив руку. Лех тоже потерял ориентацию, покатился кубарем по доскам, ударился в стену, тут же вскочил на четвереньки и бросился назад. От удара доски кареты треснули и в том месте, где трудился Шустрик сиял пролом, сквозь который можно было без труда протиснуться.

Первым выбрался Лех и вытащил Серегу.

Они отбежали в сторону и укрылись за тушей убитой лошади. Неподалеку от нее неподвижно лежал рыцарь. Грудная пластина его была глубоко вдавлена внутрь, неестественно вывернутая голова – все указывало на то, что с жизнью он расстался при падении. При этом недолго мучился.

Одинцов выглянул из укрытия, и чуть было не расстался с жизнью. Незнакомый стрелок чуть промазал, и стрела вонзилась в труп лошади. Серега пригнулся. Вскоре рядом показалась голова любопытного Леха. Им было на что посмотреть.

Перед глазами беглецов разворачивалось ночное сражение. Верчеров было куда больше боркичей. Только в первые минуты сражения они уполовинили

княжеский отряд. Дорогу устилали трупы в плащах со скрещенными мечами и золотыми лилиями. Сергей насчитал тринадцать тел. Оставшиеся в живых спешились и сбились в кучу возле поваленной арестантской кареты.

Навалившиеся со всех сторон враги не спешили атаковать в лоб. Изредка набрасывались со стороны, покусывали и отступали в сторону. Княжеских рыцарей это злило, и они все больше и больше ошибались. Вот один из них обозленный ударом исподтишка заигрался и вырвался вперед. За что тут же поплатился. Пронзенный мечом насквозь он упал под ноги своим товарищам.

– Все. Побежали отсюда. Им долго не выстоять. Тут дело минут на пять, – прошептал на ухо Сереге Лех. – Пошевеливайся Одинец, если жизнь дорога.

Первые метров двести они проползли на брюхе, боясь даже голову высоко поднять. Тут и стрелу поймать можно, и мечом наотмашь. Добравшись до обочины, они свалились в овраг, где уже смогли смело встать в полный рост. Шустрик бросился бежать, увлекая Сергея за собой. Он бежал по лесу, словно дикий олень, ловко лавируя между деревьями. Сереге же такой вид спорта давался куда тяжелее. Каждая коряга норовила его уронить, каждая низко висящая ветка пыталась ударить его в голову, каждый куст цеплял за руки. К тому же бежать при скудном лунном свете для него выкормыша города оказалось тяжким испытанием. Он поклялся себе, если выберется из этого леса живым, обязательно гульнет от всей души: с морем пива, девичьими ласками и хорошей банькой, если конечно в этом мире уважают такую традицию. Если не уважают, придется заставить уважать.

Минут через десять усиленного бега, Лех внезапно остановился. Не успевший вовремя сориентироваться Серега пролетел на несколько шагов мимо, прежде чем встал. В недоумении он обернулся и увидел, что Шустрик что-то рассматривает на дне овражка. Вернувшись к Леху, Сергей тоже посмотрел вниз и увидел несколько мертвых княжеских рыцарей, небрежно закиданных еловым лапником.

– Это, по всей видимости, дозор. Он наткнулся на верчеров. Они его вырезали, – тоном классического сыщика, только трубки с крепким табаком и цилиндра не хватало, произнес Лех. – Лошадей взяли с собой. А трупы поскидывали вниз в овраг. Делали они это все впопыхах, поэтому и не сумели скрыть тела основательно. Знаешь, что я думаю?

– Даже не догадываюсь.

– Я считаю, что бегать безоружными по лесу, полному вооруженных и чрезвычайно злых людей, очень глупо. Так что надо спуститься в яму и добыть себе оружие.

Одинцов вновь заглянул в яму и судорожно сглотнул. Лезть в яму, полную трупов, и копаться среди них ему совсем не хотелось. Но Шустрик был настроен очень решительно.

– Кто полезет? – спросил он и тут же ответил. – Предлагаю твою кандидатуру.

– А почему это сразу я? – удивился Серега.

– Потому что Одинец от тебя на поверхности пока будет мало толку. Если враг появится, ты его только возле своего носа увидишь, а я смогу услышать метров за двести приближение бронированного коня. Мы еще и спрятаться успеем. Так что выбора нет. Лезть тебе.

Казалось, вся эта ситуация Леха забавляла, а вот Сергею очень не нравилась. Но делать нечего, пришлось спускаться вниз. Шустрик наклонил молодое деревце к яме, так чтобы его ветви свешивались и доставали до самого дна. Серег ухватился за них и аккуратно сполз вниз. После чего Лех отпустил деревце. Оно резко распрямилось, чуть было не вышибив Сергею глаз, но щеку ветка все-таки зацепила и расцарапала.

– Поаккуратнее там, – зашипел от боли Одинцов.

– Работай, давай, не отвлекайся, – слышалось ему в ответ.

Делать нечего. Чем быстрее он найдет что-нибудь колюще-режущее, тем быстрее выберется из могильника.

Раскидав лапник, он добрался до сброшенных впопыхах рыцарей. Хорошо, что они все больше напоминали поломанных железных солдатиков, а то при виде скрюченного в предсмертной судороге лица, он вполне мог бы и в обморок грохнуться. Помнится в прежней жизни (вот как это теперь называется, отметил для себя Серега), ему довелось как-то увидеть перед своим домом сбитую пьяным лихачем девушку. Она лежала, нелепо раскинув руки в стороны, а

вокруг ее головы расплывался кровавый нимб. Эта безымянная девушка ему потом еще долго по ночам снилась.

С трудом ворочая железо, Серега дотянулся до первого меча, висящего в ножнах на поясе, и попытался его отцепить. Не тут-то было. Для начала пояс не желал расстегиваться. К тому же сам клинок застрял где-то под другим телом, и чтобы его вытащить, надо было потрудиться. Серега приподнял тело рыцаря, до чего же он тяжелый, и, оттолкнув его в сторону, высвободил клинок с ножнами. Рыцарь грузно свалился, загромыхав железом. Шлем слетел с его головы и откатился в сторону. Серега внутренне похолодел, отпрянув к противоположному краю ямы. Он зацепился ногой за чью-то ногу, больше напоминающую бревно, и упал, больно ударившись лицом об стальной рыцарский панцирь. Он был сильно покорезен, и в месте разлома скопилась густая засыхающая кровь, в которой Сергей тут же измазался. Почувствовав дурноту, он пополз назад и наткнулся на неприкрытое лицо мертвеца. Волей неволей он заглянул в глаза несчастного. Перед ним лежал молодой парень лет двадцати с густой рыжей шевелюрой, наметившейся бородкой и горбатым, видно пару раз переломанным носом. Рот раскрыт в беззвучном крике. Расширенные от ужаса глаза, смотрели на небеса.

Серега часто-часто задышал, пытаясь прийти в себя. Но в следующую секунду сверху на него кто-то навалился. Сперва он не разобрался и сильно саданул напавшего локтем. И тут же знакомый голос затараторил:

– Кончай драться. Времени нет. Лапник накидывай. К нам гости.

Спрыгнувший сверху Лех быстро развил деятельность. Вскоре они залегли в яме, спрятавшись среди мертвецов. Лапник добавлял маскировки.

– Какие гости? Ты с ума сошел, – заявил Серега.

Лежать в такой сомнительной компании было холодно и жутко.

– Крупный отряд приближается со стороны баронства. Вероятно еще один отряд верчеров. Лучше им на глаза не попадаться. Не разберут в спешке и зарубят. Переждем, целее будем.

С этим Одинцов спорить не стал.

Они затаились. И вскоре послышался приближающийся конский топот. Лех не ошибся. Пара десятков вооруженных рыцарей (разглядеть к какому лагерю они принадлежат, у них не получилось) пролетели мимо ямы. Двое задержались. Подъехали к самому краю и заглянули вниз. Сергей боялся открыть глаза, но любопытство взяло вверх. Сильно прищурившись, он посмотрел, но не увидел ничего, кроме стальных кабаньих голов.

– Смотри, никак наши постарались, – сказала одна голова.

– Точно наши. Передовой отряд вырезали, даже трофеи оставили, – сокрушенно похмыкала вторая голова.

– Не до них. Может, сбросим в яму пару игольников, вдруг кто живой остался? – предложила первая голова.

– Да зачем. По такому холоду от ран скоро сами сдохнут, – сказала вторая. – А вот место запомнить стоит. Негоже трофеи оставлять без присмотра. Тут почитай одних только доспехов на полсотни серебряных наберется.

– Так трофеи то не наши. Ребята сами за ними могут нагрянут.

– Кхм, да от законных хозяев может, никого уж в живых нету, – скептически хмыкнула вторая голова. – Ладно. Придет время, разберемся. Поехали уже.

Кабаньи головы скрылись из виду. Вскоре послышался удаляющийся конский топот.

Первым зашевелился, выбираясь из укрытия, Лех.

– Кажется, нам сегодня с тобой очень везет. Одинец, ты везунчик. Чего застыл, словно простуженный кноппер, пошевеливайся давай. Надо отыскать хотя бы пару зубочисток. А то так и будем по лесу с голыми жопами бегать, когда тут такие серьезные дядечки разъезжают.

Вдвоем было куда сподручнее мертвяков ворочать. Наконец, они отыскали пару мечей в ножнах, сняли с трупов и натянули на себя. Настала пора выбираться. Вот тут и ждало их настоящее испытание. Совсем недавно прошел дождь, и края

ямы были мокрыми и скользкими. Земля попеременно с глиной поплыла, так что забраться по стенке не получалось. Вызвав пару раз обвалы, и тем самым расширив яму, товарищи по несчастью застыли на месте, обдумывая как же все-таки выбраться из ловушки.

– Вставай, лучше мне на плечи. Попробуй дотянуться до края ямы и забраться наверх, – предложил Серега.

Лех с сомнением посмотрел на напарника.

Одинцов неверно истолковал его взгляд.

– По-другому не выйдет. Ты меня все равно не выдержишь. Маловат еще.

– Это кто? Это я маловат? – тут же возмутился Шустрик.

Уперев руки в боки, расставив широко ноги, он смотрелся, как молоденький бычок, впервые вышедший на бойцовскую арену. Того и гляди кровь в голову ударит и либо забодает насмерть, либо башку себе расшибет начисто.

– Да если бы не я, ты бы до сих пор трясся бы в арестантской карете, или тебя верчеры посекали бы.

От возмущения Лех даже слов найти не мог. Он стоял, разевал рот, а слова то не шли.

– Да ладно. Я тебе просто не стал мешать. Дал почувствовать себя героем, – откровенно издеваясь, заявил Серега. – Ты лезть наверх собираешься, или мы тут будем ждать возвращения кабаньеголовых.

– Это ты мне мешать не стал. Да мы бы давно уже на свободе были, если бы ты не удумал морду свою в грязном белье пополоскать, – продолжал ворчать Шустрик, забираясь Сергею на спину. – Ишь ты, какой чистюля нашелся.

Встав ему на плечи, Лех сначала побоялся распрямиться, потом все-таки, цепляясь за скользкую стену, выпрямился и попытался достать до края ямы.

Шустрик конечно оказался легким малым. Только после всех приключений последних дней, силенок у него явно не хватало. Одинцов чувствовал, что так долго не выстоит. А им еще предстояло продолжить путешествие по ночному лесу и скорее всего в темпе галопа.

– Давай быстрее, чего ты там телишься? – поторопил он Леха.

– А ты стой ровно, не гарцуй, будто тебе не терпится поссать, – получил он в ответ.

Наконец, Шустрику удалось зацепиться за край ямы, но стоило ему попытаться втянуть себя наверх, как край обвалился, запорошив землей глаза, как самому Леху, так и Сергею. Последний не удержался от крепкого матерного загиба. Лех удивленно посмотрел вниз и спросил:

– Это ты сейчас что сказал?

– Лезь давай, – прошипел Серега.

Переспрашивать Шустрик не стал. Со второй попытки ему все-таки удалось выбраться наружу. Он скрылся из виду, а Сергей обессилено плюхнулся на задницу, отмечая про себя, что присутствие мертвецов его больше не волнует. Отдохнуть ему не дали. Сперва в яму заглянул Лех убедиться, что с напарником все в порядке. Потом медленно опустилась вершинка молодого деревца. Ухватившись за нее, Серега взобрался наверх.

Оказавшись на твердой земле, он упал на спину, раскинув руки, и закрыл глаза. Блаженство оказаться среди живой материи и не чувствовать дыхание смерти у себя за спиной.

– Это ты, конечно, молодец, хорошо придумал, – заметил ехидно Лех. – Раз ты решил, верчеров или княжеских прихвостней дождаться, я тебе мешать не буду. Так что прощай!

Шустрик развернулся и собрался было скрыться в ближайших кустах. Серега тут же вскочил на ноги.

– Куда без меня? – возмутился он.

– Я так и думал, Одинец, что ты разумный человек, – оценил Лех.

Он так припустил с места, словно пятки ему адским огнем поджарили. Серега бросился за ним, хотя поддерживать такой темп после всех ночных передраг было безумно сложно. Да и болтающийся у пояса меч очень мешал. Пришлось отцепить его и взять в руки.

Но далеко убежать им не удалось.

Первым приближающийся конский топот услышал Одинцов. Он обернулся и увидел вдалеке надвигающиеся огоньки. Поравнявшись с Лехом, он срывающимся голосом крикнул:

– Нас догоняют!

Шустрик тоже обернулся.

– Попробуем где-нибудь спрятаться!

Только вот как назло нигде не было видно ни одного подходящего укрытия. Они метались по лесу, словно загнанные в ловушку волки, меж тем преследователи приближались.

Тогда Шустрик предложил взобраться на дерево. Ни ахти какое укрытие, но другого видно не было. Лех просто взлетел на самую верхушку, словно только и делал всю предыдущую жизнь, что по деревьям лазал. Сергей тут же вспомнил про «человека-обезьяну». Лорд Грейсток принял бы Шустрика в свою стаю. А вот у самого Сереги с лазаньем было не очень. В городских джунглях не больно то лазаешь. За такие проделки можно и на пятнадцать суток загреметь. Никто не поверит, что на трезвую голову такое можно учудить.

Преследователи неумолимо приближались. Уже слышны были громкие крики и улюлюканье, собачий лай и грохот железа. Пришлось поднажать. Вскоре Серега сидел на соседней с Шустриком ветке. Одной рукой обняв дерево, другой крепко сжав ножны с клинком. Положение, мягко говоря шаткое.

Долго сидеть не пришлось. На поляну перед деревом вылетело с десятков верчеров. Перед ними бежала свора рыжих собак. Они тут же окружили дерево, на котором укрылись беглецы, и, задрав головы кверху, оскалив пасти, залаяли яростно, привлекая внимание хозяев. Верчеры взяли дерево в кольцо. Дрожащий свет факелов высветил скрючившиеся человеческие фигурки в вышине.

Один из кабаньеголовых открыл забрало и, уставившись на беглецов, рявкнул:

– Смотри, каких пташек мои псы заловили?

– Да уж, Барк, диковинные птички? А они случайно не из силков князя Боркича упорхнули?

– Думаю что оттуда Серк. А если это собственность князя Боркича, то наш батюшка барон очень порадуется такой добыче.

– Только вот как же мы их оттуда снимем? – спросил Серк, рослый рыцарь, гарцевавший на белом скакуне с черной гривой. Он подъехал и встал вровень с Барком, предводителем отряда.

От других собратьев он отличался дизайном шлема. У его кабаньей головы был отломан один клык. Толи случайно в горячке боя, толи это такая авторская задумка. Сергей с любопытством разглядывал верчеров и, не смотря на видимую опасность, почему-то не боялся.

– Да сами слезут. Ну-ка, Грав, попугай птичек маленько, – потребовал Барк, обернувшись к одному из рыцарей.

Названный Гравом вытащил из притороченного к седлу чехла арбалет, взвел рычагом тетиву, наложил болт и прицелился.

В этот момент беглецы почувствовали себя очень неудобно. Шустрик попробовал вжаться в ствол дерева так сильно, чтобы самому стать деревом. Одинцов тоже проявил чудеса гибкости и попытался укрыться за стволом, выгнувшись так, словно он и не человек вовсе, а змея бесхребетная. Щелкнула спускаемая тетива, просвистел болт и впился в ветку, на которой сидел Лех. Шустрик отпрянул в сторону, и чуть было не свалился.

– Молодец, Грав, – похвалил своего воина Барк и повернулся к беглецам. – Ну что птички сами спуститесь, или вам помочь?

Сергея посмотрел на Шустрика. Тот похоже пребывал в состоянии глубокого эмоционального обморока. Положение прямо-таки сказать ужасное. Если не спуститься, то этот Гаврик их мигом в ежиков превратит, а если все-таки спуститься, то тут снова клетка и рабские кандалы и это при лучшем раскладе. Так что при отсутствии выбора, приходится выбирать меньшую гадость. И все для себя решив, Сергей стал спускаться.

– Вот. Одна разумная птаха нашлась. А у второй похоже мозгов совсем нет, – тут же заявил Барк и рассмеялся.

И весь отряд кабаньеголовых зашелся в гоготе.

Лех, почувствовав, что говорят о нем, отмер и решил последовать примеру товарища.

Вскоре они стояли на земле, рядом друг с другом, прижавшись спинами к стволу дерева. Сергей первым обнажил меч. Откинув в сторону пояс с ножнами, он взялся за рукоять двумя руками и набычился, готовясь к последней схватке. Он решил подороже продать свою жизнь. В рабство ему совсем не хотелось. И отчего-то он был уверен, что стрелять в них из арбалета верчеры не будут. Лех тоже меч вытащил, только выглядел он при этом очень неуверенно. Его растерянная поза говорила одно: «и как я тут оказался?».

– Смотри, Серк, а у наших птичек оказывается коготки есть, – удивленно заявил Барк.

– Так может пристрелить их как собак бешенных и всего делов? – предложил Грав, взводя тетиву арбалета.

– Зачем нарушать все веселье? Давайте, господа, позабавимся? Кто желает первым отведать свежее мясо? – спросил Барк.

– Дозвольте мне, – вызвался Серк и, не дожидаясь разрешения, спрыгнул с коня.

«Ну, вот, похоже и все» – подумал Сергей.

Он очень сомневался, что им удастся выстоять против специально обученных рыцарей в мечном поединке. Но и сдаваться, поджав хвост, совсем не хотелось.

Одинцов вышел вперед, встал в стойку и приготовился биться насмерть.

Но внезапно капризная судьба опять сотворила финт, сохранивший беглецам жизнь и испортивший все веселье верчерам.

Вдалеке послышалось приближающееся пение боевых рогов. Судя по встревоженным лицам Барка и его сподвижников, помощь они не ожидали, значит, это княжеский отряд спешит забрать имущество Боркича. При любом варианте не стоит надеяться на свободу. Что в прорубь голым нырять, что в печку головой вперед лезть. Итог один будет.

– По коням! Уходим! – завопил Барк. – Этих с собой. Будут сопротивляться, пристрелите.

Сереге не знал, что ему взбрело в голову. Он внезапно бросился вперед и ударил по мечу потерявшего бдительность Серка. Неожиданно ему удалось выбить меч из рук опытного рыцаря и, не долго думая, Одинцов заехал ему плашмя мечом по голове. Серк покачнулся, но удар выдержал. Кабанью голова так просто не возьмешь. Правда, хорошего настроения ему это не добавило. Насупив брови, он громко свистнул и протянул руку. Кто-то из рыцарей услужливо бросил ему свой меч. Серк поймал клинок и тут же набросился на Серегу. И на что он только надеялся. Что за мальчишеская выходка? В считанные секунды он оказался разоружен. Серк что-то гневно прорычал, перекинул меч в левую руку и от всей души вмазал Сереге в челюсть. Перед глазами помутилось. Ноги подкосились, и Одинцов рухнул на прелые листья, словно подпиленное гнилое деревцо. Сквозь ватный туман восприятия он услышал испуганный голос Леха:

– Сдаюсь. Сам сдаюсь.

Правда, судя по глухому удару, это ему не помогло. Серк и его от щедрот душевных приложил.

Двое спешившихся рыцарей подняли беглецов и перекинули поперек своих седел. После чего вскочили на коней и пустились вскачь вслед за удаляющимся отрядом.

Ничего из этой дороги Одинцов толком и не помнил. Сознание то возвращалось к нему, и он видел убегающую землю под ногами, проселочную дорогу или пожухлую траву, то вновь проваливался в беспамятство. Так продолжалось недолго. Наконец, перерывы бодрствования стали более продолжительными, и он стал цепляться за реальность. За ноющую боль в висках и в животе, за неудобную позу для передвижения, за хаотичные мысли, бьющиеся в голове, словно ночные мотыльки в освещенное окно. И у него получилось закрепиться в сознании. Первые несколько минут он просто болтался как куль с грязным бельем, не делая никаких движений. Пробовал наблюдать за проносящейся внизу дорогой, но тут же почувствовал прилив тошноты и попытался скосить взгляд, чтобы увидеть, где они. Худо-бедно получилось. И он увидел чернеющий вдалеке лес и какие-то домишки перед ним. Все это дико раскачивалось, так что он все-таки не удержался и проблевался прямо на ноги коню.

Отдышавшись, Серега попробовал задрать голову и посмотреть, как там Лех. Но седло мчащегося рядом коня пустовало. Он покрутил головой, выискивая товарища, но его нигде не было. Только мрачные летящие во весь опор, убегающие от смерти, верчеры.

Одинцов обессилено опустил голову. Сил на осмотр местных достопримечательностей больше не было. И тут началось самое интересное...

Он услышал свист рассекаемого воздуха, и внезапно перевозивший его конь остановился, словно налетел на невидимую преграду. В следующую секунду он стал заваливаться на бок, громко хрипя и фыркая кровавой пеной. В седле стало как-то очень свободно. Куда-то подевался сдерживающий пленника рыцарь. Серега понимал, если сейчас ничего не сделать, падающая лошадь просто плюхнется ему на голову. И тогда уж точно можно прощаться со всеми мечтами и надеждами. Он задергался изо всех сил и неожиданно обнаружил, что у него свободны руки. Верчеры удирали в такой спешке, что не удосужились связать пленников. Все равно были без сознания, а когда придут в себя, можно и кулаком в железной перчатке приголубить.

В последний момент Сереге удалось соскользнуть с коня и откатиться в сторону. Он приподнялся на локтях и осмотрел поле битвы. И было на что посмотреть.

Налетевшие со всех сторон, словно стая стервятников, княжеские рыцари в мгновение смяли верчеров. Постарались и стрелки. Двумя арбалетными залпами они перебили половину лошадей отряда, да изрядно подранили всадников. На поле битвы бегали и одинокие лошади, лишившиеся хозяев. На одной из таких Серега и углядел Леха Шустрика. Он не шевелился, висел вниз головой, а лошадь кажется обезумела. Если он в ближайшие минуты не очнется, то либо она скинет Леха себе под ноги и затопчет, либо унесет его прочь.

Одинцов попытался подняться. Затекие ноги плохо его слушались, но он, сгорбившись, словно в стельку пьяный, побрел к мечущейся из стороны в сторону лошади Шустрика. Надо спасти товарища.

Окружающим было не до пленников. Кабаньеголовые отчаянно сражались с боркичами, но заметно уступали в количестве и силе. Князь очень не хотел терять свои покупки и отправил лучший хорошо вооруженный отряд им на выручку.

Безлошадного Серка загнали в угол. Дальше виднелся овраг и отступать некуда. Сразу три пеших рыцаря атаковали его. Он только и успевал, что отражать удары, но с каждым новым взмахом меча силы таяли. Исход поединка был предрешен. Но Серку все-таки удалось зарубить одного из нападавших. Он сделал обманное движение, словно собирался ударить справа снизу. Рыцарь купился, отклонился в сторону, и Серк страшным ударом рассек ему нагрудную пластину. Правда и сам не устоял. Он чуть качнулся вперед. Этого хватило, чтобы оставшиеся в живых рыцари завершили свое дело. Они напали одновременно. И Серк ничего не успел с этим сделать. Один удар пришелся ему в голову, изрядно помяв кабаньей шлем. Другой скользнул по доспеху. Серк потерял равновесие. От удара по голове звенело в ушах иплыли круги перед глазами. И в следующую секунду княжеский рыцарь воткнул в него меч, угодив аккуратно в нижнюю часть живота под доспех.

Серк покачнулся и, не выронив клинок из рук, скатился вниз в овраг.

Тяжело пришлось и Барку. Не смотря на то, что в первую минуту боя, он поймал болт в плечо, в седле все же усидел. Вырвав из себя стрелу, он отшвырнул ее в сторону и бросился в самое пекло. Он рубил направо и налево, и княжеские рыцари под его натиском изрядно просели. Но вскоре, оценив угрозу, сразу четверо воинов взяли его в клещи. Они кружили вокруг него, нанося удары со

всех сторон. И уже Барку пришлось переходить в глухую оборону. Тут не до геройства, живым бы остаться.

Барк трезво оценил сложившееся положение. Большая часть верчеров на земле. Оставшиеся отчаянно бьются, но долго им не продержаться, и тогда он принял единственно верное решение:

– Отступаем! – заорал он истошно и накинулся на боркичей с удвоенной силой.

Натиск дал свой результат. Среди врага образовался просвет, куда он бросил своего коня. Рубанув напоследок направо и налево, он пришпорил коня и скрылся в чаще леса. Те, кому удалось отбиться от противника, последовали за ним.

Тем временем Сереге удалось подобраться к лошади Шустрика. Она тоже немного поуспокоилась. Но все еще продолжала носиться из стороны в сторону, только вот больше не взбрыкивала и не фыркала.

Не боясь, что его услышат посторонние, Сергей закричал:

– Шустрик!

И это, кажется, помогло. Лех зашевелился. Только и лошадь, почувствовав, что на ее спине кто-то ерзает, стала взбрыкивать, намереваясь сбросить с себя ненужный груз. Наконец у нее это получилось. Лех скатился по ее крупу на землю. Избавившаяся от тяжелого груза лошадь тот час поскакала вперед, не разбирая дороги.

Сергей подскочил к Шустрику и перевернул его. От верчеров ему досталось основательно. Заплывшие синяками глаза, смятый нос, да разбитые в кровь губы. Неприятное зрелище.

– Идти сможешь? – спросил Серега, увидев осмысленный взгляд Леха.

Тот отрицательно качнул головой.

– Черт, – выругался Сергей.

– Не бойсь, Одинец, справимся, – разбитыми губами прошептал Шустрик.

Больше он ничего не успел произнести. Шум битвы на поляне стих. Можно было даже не гадать, кто вышел из этой битвы победителем.

Послышался лязг металла и перестук копыт и со всех сторон беглецов окружили княжеские рыцари.

– Что с этими делать? – спросил пискляво один из них, ткнув в сторону Сереги взведенным арбалетом.

Того и гляди тетива дрогнет и тогда уж точно ничего особого делать не придется. С трупа мало что взять можно. Да у Сергея ничего за душой и не было, по крайней мере в этом мире.

– Сейчас. Погодь. Тут разобраться надо. Если верчеры, то пустить кишки. Но как бы не ошибиться, – раздался гнусавый голос и к пленным подъехал массивный рыцарь в черном плаще, окутывавшем его доспех. По всей видимости, предводитель отряда.

– Кажется, верчеры этих поперек седла везли, словно добычу, – сказал один из рыцарей.

– Да и доспехов на них нет, – задумчиво произнес предводитель. – Думаю, что это и есть рабы нашего господина, а их надлежит доставить в целости и сохранности в крепость. Так что вяжите их, братцы, да айда домой.

Убивать их никто не собирался. И то хорошо. Писклявый и еще парочка рыцарей спешили и в мгновение скрутили беглецов. При этом Шустрик так артистично стонал, что хотелось ему бросить монету в шляпу за мастерство. Он пару раз подмигнул Сереге, чтобы тот не сильно тревожился.

Связанными их водрузили в седла перед рыцарями.

Несколько минут боркичи потратили на то, чтобы собрать трофеи. Раненных они безжалостно добили. После того как с законным правом на грабеж было покончено, спасательный княжеский отряд продолжил путь. На этот раз он

возвращался в крепость к князю.

Трясаясь в седле, Серега смотрел на громыхающих на каждом ухабе рыцарей и размышлял, отчего ему так не везет. Мало того, что попал в чужой мир, так еще и угодил в рабство. Все попытки побега обернулись неудачей. Теперь их везут в крепость, где ему предстоит стать бойцовым Волком. Развлекать местных дворянчиков на ристалище. Только Серега не отчаивался. Не удалось сбежать сейчас, обязательно получится потом. Главное веру не терять. А с верой у него был полный порядок.

Глава 6

Крепость

Город Вышеград стоял на высоком холме, окруженный со всех сторон густыми лесами и извивающейся полноводной рекой Вышицей, которая словно ласковая змея сжимала город в своих объятьях. Высокие белокаменные крепостные стены с башнями – бойницами, оштетиненными дулами артиллерийских орудий, окружали город. Издалека виднелись крыши и стены городских зданий, взбиравшихся на вершину холма. Второе внутреннее кольцо крепостных стен отделяло ремесленную часть от элитных кварталов городской знати и дворца князя, стоявшего на самом верху, бликующего отраженным от стекол светом.

Таким предстал Вышеград перед Одинцовым ранним утром, когда отряд боркичей вылетел из леса на поляну перед городом. Ночные приключения и бешеная скачка в седле изрядно утомили его. Хотелось забраться в койку, свернуться калачиком и дать храпака. Но появившийся из-за деревьев город мгновенно протрезвил Сергея, изгоняя усталость. И ведь было на что посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dal-_dmitriy/volchiy-otryad

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)